

Революція идетъ

Нижеслѣдующіе фрагментарные очерки не задаются цѣлью возсоздать обликъ старой императорской Россіи. Это всего лишь исторія ея болѣзни — схематическая до крайности. Изъ многихъ линій декаданса авторъ выбралъ линію социальную лишь потому, что она прямиѣ всего подводитъ къ темѣ революціи. Русская революція развивалась и побѣдила, какъ революція социальная. Но даже въ этихъ рамкахъ многое существенное не затронуто: напр., экономическое развитіе. Самыя отношенія между общественными классами становятся понятны лишь на фонѣ духовной жизни общества. Эта основная тема русской исторіи, которой авторъ касался въ другой связи, здѣсь лишь просвѣчиваетъ сквозь социальный узоръ, сама его освѣщая.

Въ настоящей полу-публицистической работѣ честолюбіемъ автора было создать схему, совершенно независимую отъ дореволюціонныхъ публицистическихъ направленій русской мысли. Эта задача можетъ быть разрѣшена лишь приблизительно, но, по убѣжденію автора, лишь полная свобода отъ дореволюціонныхъ традицій обезпечиваетъ жизненность всякой пореволюціонной національной конструкціи.

Оцѣнка недавняго прошлаго для автора подчинена задачѣ исканія новаго національнаго сознанія. По отношенію къ этой основной задачѣ пересмотръ традиціи является, выражаясь моральнымъ языкомъ, актомъ покаянія. Ничто такъ не вредитъ созидательной работѣ будущаго, какъ закоренѣлость въ старыхъ грѣхахъ, выражающаяся въ постоянныхъ попыткахъ идеализаціи Россіи вчерашняго дня. Все это хилыя потуги пересудовъ уже совершившагося Божія суда.

Если для русской молодежи въ Россіи основной задачей является введеніе въ наслѣдство безсмертной культуры старой Россіи, возстановленіе надорванной связи поколѣній, то здѣсь, за рубежомъ, это же возстановленіе

связи достижимо лишь путем отречения от тлѣннаго и мертваго въ прошлой культурѣ.

Лишь совершившій эту суровую работу — прежде всего, въ самомъ себѣ — можетъ надѣяться войти небезполезнымъ работникомъ въ трудовую мастерскую новой Россіи.

1. Когда зашаталась Имперія?

Двѣ силы держали и строили русскую имперію: одна пассивная — неисчерпаемая выносливость и вѣрность народныхъ массъ, другая активная — военное мужество и государственное сознаніе дворянства. Теперь всякому ясно, до какой степени эти силы были чужды другъ другу. Со времени европеизаціи высшихъ слоевъ русскаго общества, дворянство видѣло въ народѣ дикаря, хотя бы и невиннаго, какъ дикарь Руссо; народъ смотрѣлъ на господъ, какъ на вѣроотступниковъ и полунѣмцевъ. Былс бы преувеличеніемъ говорить о взаимной ненависти, но можно говорить о презрѣннѣи, рождающемся изъ непониманія. Отдѣльные примѣры патріархальныхъ отношеній къ крестьянамъ въ иныхъ помѣщичьихъ семьяхъ, сохранившихъ православный бытъ, не опровергають основного факта. Онъ засвидѣтельствованъ Пушкинымъ для дней Екатерины, Толстымъ для Двѣнадцатаго года и середины прошлаго столѣтія. Единственной скрѣпой націи была идея царя — религіозная для однихъ, національная для другихъ. Не трудно видѣть, что дворянская имперія и мужицкое царство — совершенно разныя идеи. Монархизмъ русскаго дворянства, наслѣдственный, кровный, даже религіозно окрашенный, былъ очень близокъ къ легитимизму французскаго дворянства или прусскаго юнкерства. Въ основѣ его лежала идея рыцарской вѣрности государю-сеньеру, вѣрности данной присягѣ, с в о е м у, дворянскому слову. Эта личная, почти феодальная связь углублялась патріотическимъ сознаніемъ, видѣвшимъ въ государѣ средоточіе національной жизни, воплощеніе отечества. Идея національнаго служенія государя была привита намъ съ Петра. Идея дворянской, личной вѣрности выковалась въ измѣнническихъ гвардейскихъ переворотахъ XVIII вѣ-

ка. Въ вѣкъ Екатерины дворянское монархическое чувство сложилось окончательно, и въ существенныхъ чертахъ своихъ жило до дней революціи. Дворянство наше могло обожать государя, но не позволяло унижать себя. Оно уже не могло кланяться царю въ ноги, какъ его предки въ старой Москвѣ, или лѣзть подъ столъ въ мѣстническихъ спорахъ. Оно восприняло западныя начала личной чести и личной вѣрности, хотя и въ сословно-корпоративныхъ формахъ.

Народъ относился къ царю религіозно. Царь не былъ для него живой личностью или политической идеей. Онъ былъ помазанникомъ Божиимъ, земнымъ Богомъ, носителемъ божественной силы и правды. По отношенію къ нему не могло быть и рѣчи о какомъ-либо своемъ правѣ или своей чести. Передъ царемъ, какъ передъ Богомъ, нѣтъ униженія. Пытаясь свести царя на землю, очеловѣчить его въ своемъ воображеніи, народъ пользовался образомъ сказки. Царь Берендей, царь Додонъ пріобрѣталъ то бармы и вѣнецъ московскаго государя XVII вѣка, то ленту черезъ плечо и аксельбанты. Что касается государственнаго смысла имперіи, то онъ едва ли доходилъ до народнаго сознанія. Россія съ Петра перестала быть понятной русскому народу. Онъ не представлялъ себѣ ни ея границъ, ни ея задачъ, ни ея внѣшнихъ враговъ, которые были ясны и конкретны для него въ московскомъ царствѣ. Вывѣтриваніе государственнаго сознанія продолжалось непрерывно въ народныхъ массахъ за два вѣка имперіи. Россія такова, какой хочетъ ее царь. Это было подчиненіе по довѣрію, а не по убѣжденію, что не мѣшало ему быть безусловнымъ и неограниченнымъ. «Полякъ ли бунтуесть» или «нашъ батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ», народъ готовъ лить свою кровь, не считая, не спрашивая объясненій. Но онъ льетъ ее «за вѣру и царя». Отечество здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ. Для дворянства оно на первомъ. У него и народа въ обиходъ даже разныя имена для верховнаго носителя власти. Одни называютъ его государемъ, другіе — царемъ. «Государь» — «prince», «seigneur». Это старое московское слово переводимо на иностранныя языки. «Царь» — непереводимо, ибо мистически связано съ русской религіозной идеей.

Соединеніе мужицкаго царя съ дворянскимъ государемъ создавало изъ петербургской императорской власти

абсолютизмъ, небывалый въ исторіи. Неограниченнй государь Западной Европы, на самомъ дѣлѣ, былъ ограниченъ личными и корпоративными правами, еще болѣе — правовымъ чувствомъ аристократіи. Московскій царь (какъ всѣ деспоты Востока) былъ ограниченъ религіозными вѣрованіями и бытовымъ укладомъ народной жизни. Петербургскіе самодержцы могли, опираясь на народъ, подавлять дворянство и, опираясь на дворянство, разрушать бытъ, оскорблять нравственное чувство народа. Религіозная концепція власти, въ связи съ невидимостью, нереальностью для народа ея носителей, сообщала имъ полную неуязвимость. Вся ненависть за поруганіе національной правды направлялась на господъ, на министровъ, останавливаясь у порога даже Екатерининскаго дворца.

Если на практикѣ императорская власть обнаруживала большую мягкость сравнительно со своими юридическими возможностями, то это потому, что, по своему воспитанію и культурѣ, государь былъ первымъ дворяниномъ имперіи и долженъ былъ раздѣлять европейскія понятія о приличіяхъ и благовоспитанности, свойственныя своему классу. Однако, значеніе народной почвы самодержавія сказывалось всякій разъ, когда дворянство пыталось, или только мечтало, перевести свои бытовые и гражданскія привилегіи на языкъ политической. Противъ дворянскаго конституціонализма царь всегда могъ апеллировать къ народу. Народъ, по первому слову, готовъ былъ растерзать царскихъ недруговъ, въ которыхъ видѣлъ и своихъ вѣковыхъ насильниковъ. Въ этой обстановкѣ, при двойственности самой природы императорской власти, становится понятной ея органическая неспособность къ самоограниченію. Конституція въ Россіи была величайшей утопией.

Въ оболочкѣ петербургской имперіи московское царство было, выражаясь терминомъ Шпенглера, «псевдоморфозой». Раскрытіе ея приводило само по себѣ къ крушенію построеннаго на ней зданія государственности. Другими словами, русская государственность могла, — слѣдовательно, должна была — погибнуть отъ просвѣщенія.

Въ просвѣщеніи былъ весь смыслъ имперіи, какъ новой формы власти. Рожденіе имперіи въ мукахъ петровской революціи предопредѣлило ея идею властнаго и на-

сильственнаго насажденія западной культуры на Руси. Безъ опасной прививки чужой культуры, и притомъ въ героическихъ дозахъ, старая московская государственность стояла передъ неизбежной гибелью. Рѣчь шла, прежде всего, о техникахъ и формахъ народнаго хозяйства. Но развѣ мыслима техника безъ науки, а новыя формы хозяйства безъ новыхъ хозяйствующихъ классовъ? Восемнадцатый вѣкъ шелъ безъ раздумья и колебаній по европейской дорожкѣ. (Только съ новыми хозяйствующими классами дѣло обстояло слабо). Соціальная пугачевщина, съ одной стороны, и политическій либерализмъ Новикова и Радищева, съ другой, отмѣчаютъ конецъ просвѣщеннаго абсолютизма въ Россіи. Отнынѣ и до конца имперіи, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ, стоитъ на противоположной для нея, — но не удивительной для послѣднихъ поколѣній — позиціи охраненія. То, что охраняется, — не вѣковыя основы народной жизни, а извѣстный этапъ ихъ разрушенія. Въ консервативный догматъ возводится выдохшійся, мумифицированный остовъ петровской революціи. Въ этомъ вѣчная слабость русскаго консерватизма — его подлинная беспочвенность. Консерватизмъ прекрасно понималъ лишь одно: опасность просвѣщенія для крѣпости имперіи. Трудно даже сказать, какое просвѣщеніе было опаснѣе: православно-національное славянофиловъ или космолитическое и безбожное западниковъ. И то и другое разоблачало основную ложь, поддерживающую всю систему, — ложь, которую можно было бы наглядно выразить такъ: московскій православный царь въ мундирѣ гвардейскаго офицера, или петербургскій гвардейскій офицеръ, мечтающій быть московскимъ царемъ.

Для всякаго проницательнаго политика было ясно: когда сознаніе этого противорѣчія проникнетъ въ тугія мужицкія головы, рухнетъ все зданіе величайшей въ мірѣ имперіи, построенной на искусно прикрываемой лжи. Другими словами, задача власти, какъ справедливо формулировали ее Леонтьевъ и Побѣдоносцевъ, — заморозить Россію, ея заживо гнѣющее тѣло, оттянуть, елико возможно, неизбежный процессъ разложенія и смерти.

Но задолго до того, какъ раскрытіе основной лжи расшатало крестьянскій устой имперіи, зашаталось дворянство. Народъ былъ еще, какъ мягкая глина въ рукахъ ваятелей, а творчество ваятелей уже изсякало. Въ военномъ

и государственномъ отношеніи Россія достигла своего зенита при Екатеринѣ, въ культурномъ — при Александрѣ. Потемкинъ, Суворовъ, Пушкинъ, Захаровъ означаютъ предѣльные вершины русской славы. Большаго не могла дать д в о р я н с к а я Россія. Культурный расцвѣтъ запоздалъ вполне нормально на одно поколѣніе. Но если остановиться на военной исторіи Александровскаго времени, то сквозь весь блескъ его всемірныхъ триумфовъ не трудно видѣть, что подвиги его сыновъ уступаютъ орламъ Екатерины. Слишкомъ ясно, что не военный перевѣсъ обезпечилъ побѣду надъ Наполеономъ. Государственные люди и полководцы Екатерининской эпохи казались титанами для современниковъ Александра. О новомъ поколѣніи достаточно сказать, что оно ничего не уступило изъ старыхъ лавровъ.

Если окинуть взглядомъ войны, которыя Россія вела въ XIX и XX столѣтіяхъ, то линія упадка обозначится съ поразительной четкостью. Послѣ турецкой войны 1827-30 г. г. Россія уже не знаетъ побѣдъ. Всѣ серьезныя столкновения неизмѣнно оканчивались для нея катастрофой. Даже турецкая война 1877 - 78 г. г. по своимъ жертвамъ и ничтожности политическихъ результатовъ воспринималась современниками, какъ пораженіе. Эта военная слабость маскировалась непрерывнымъ ростомъ имперіи. Въ XIX вѣкѣ пріобрѣтается Кавказъ, Туркестанъ, передъ катастрофой 1904 г. — Манчжурія. Передъ самой гибелью имперіи она утверждаетъ въ Монголіи и сѣверной Персіи. Экспансія идетъ, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія. «Дряхлый Востокъ» не противникъ и ослабленной Россіи. Да и слишкомъ великъ накопленный за полтысячелѣтія капиталъ, чтобъ ыпромотать его за одно-два поколѣнія. Сила инерціи, присущая самой массѣ исподлинскаго тѣла Россіи, замедляетъ упадокъ.

Откуда эта неизбѣжность военныхъ неудачъ Россіи? Ея живая сила — «святая сѣрая скотинка» генерала Драгомирова — сохраняетъ почти до конца пассивный героизмъ, совершенно безпримѣрный. Севастополь, Плевна тому свидѣтели. Только въ Манчжуріи впервые дала трещину солдатская вѣрность. Откуда же пораженія? Говорятъ о технической отсталости, о злоупотребленіяхъ въ организациі арміи (интендантство!). Все это вѣрно. Но почему же въ вѣкѣ Петра, Екатерины, даже въ вѣкѣ Александра русская армія не страдала отъ технической отста-

лости? Титаническія усилія Петра и прогрессивная инерція его преемниковъ завалили на время техническую пропасть между Россіей и Западомъ. Недостатокъ техническихъ средствъ замѣнялся съ избыткомъ количествомъ и качествомъ живой силы. Сама Европа въ XVIII вѣкѣ жила спокойнымъ темпомъ промышленной работы; весь XIX-й и начало XX-го непрерывная хозяйственно-техническая революція. Чтобы сохранить дистанцію, отъ Россіи требовалось непрерывное и нечеловѣческое напряженіе. Достаточно сопоставить идиллію Николаевской — Гоголевской Россіи съ промышленной горячкой не только Англій 30 - 40 г. г., но и Франціи июльской монархіи, чтобы получить головокруженіе отъ развертывающейся пропасти. Результатомъ былъ Севастополь.

Проблема технической отсталости Россіи сводится къ двумъ основнымъ: слабости западнаго просвѣщенія, отмѣриваемаго съ опаской и съ оглядкой чайными ложками, и слабости торгово-промышленнаго класса, отмѣняемаго всюду дворянствомъ. Первая возвращаетъ насъ къ основному пороку власти, вторая къ исторіи правящаго класса.

Къ этимъ двумъ источникамъ приводитъ насъ и другой урокъ крымской войны. Онъ вскрываетъ не одну отсталость, но и нѣчто худшее: коррупцію «тыла». Здѣсь дала трещину созданная Сперанскимъ бюрократія. Бюрократія была, съ одной стороны, формой самодержавной власти, съ другой, по личному составу, «инобытіемъ» того же русскаго дворянства. Къ дворянству надлежитъ обратиться и первый вопросъ объ отвѣтственности. До Александра II изъ числа силъ, работавшихъ по разложенію имперіи, должна быть исключена революціонная интеллигенція, по всѣмъ извѣстной причинѣ: она еще не существовала. Безъ нея происходило разложеніе Николаевской Россіи. Изъ всѣхъ классовъ русскаго общества только одно дворянство являлось носителемъ государственной идеи и государственной власти. Ни въ одномъ изъ другихъ классовъ, живущихъ еще въ старомъ московскомъ быту, мы не видимъ симптомовъ разложенія. Недугъ поразилъ прежде всего тотъ классъ, который былъ мозгомъ и волей страны, который полтора вѣка, вмѣстѣ со своимъ дворянскимъ государствомъ, строилъ судьбу Россіи.

2. Дворянство.

Исторія русскаго дворянства еще не написана. Можетъ ли она быть написана когда-нибудь удовлетворительно?

Живая семейная память самыхъ старыхъ русскихъ фамилій не восходитъ дальше 18-го вѣка. Петровская реформа, какъ мокрой губкой, стерла родовыя воспоминанія. Кажется, что вмѣстѣ съ европейской одеждой русскій дворянинъ впервые родился на свѣтъ. Забыты вѣка, въ теченіе которыхъ этотъ классъ складывался и воспитывался въ старой Москвѣ на дѣлѣ государевомъ. Родившись въ 15 вѣкѣ, широко пополнившись въ 16-мъ за счетъ пришлыхъ, бродячихъ, даже преступныхъ элементовъ общества (татаръ и казаковъ), помѣстный служилый классъ выявилъ въ опричнинѣ свои социальныя притязанія, свою плебейскую мстительность противъ стараго боярства, отбунтовалъ въ Смутное время и, выйдя изъ него побѣдителемъ, выдвинулся на первое мѣсто въ государствѣ Романовыхъ. Закрѣпощеніе крестьянъ было его экономическимъ завоеваніемъ. Но Москва 17 в., въ отличіе отъ Петровской Россіи, еще не была узко-сословнымъ государствомъ. Служилый классъ правилъ страной не одинъ: духовенство и купечество — земская Русь имѣли еще голосъ на земскихъ соборахъ, а первое изъ нихъ и въ царскомъ совѣтѣ.

Хотѣлось бы представить себѣ русскаго помѣщика 17-го столѣтія въ его бытовой обстановкѣ, въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ. До сихъ поръ историки не собрали матеріала для этого социальнаго портрета. Быть можетъ, самое поразительное — это трудность представить себѣ московскаго профессиональнаго воина съ военными традиціями, съ оружіемъ въ рукахъ. И эта трудность сама по себѣ говоритъ о многомъ. Русское военное сословіе не обнаруживаетъ никакихъ чертъ рыцарства. Рыцарство, въ общемъ смыслѣ феодальной этики и быта, свойственно не одному католическому Западу. Его знали и арабско-турецкій Исламъ и старая Японія. Вотъ этихъ-то самыхъ общихъ чертъ профессионально-военнаго класса — высоко развитаго чувства личной чести, независимости и увлеченія боевымъ дѣломъ — мы не видимъ въ московскомъ служиломъ классѣ. Несомнѣнно, военное дѣло

было для него «службой», а не правомъ. Служба, какъ и «тягло», есть нѣчто такое, отъ чего можно уклониться, быть въ «нѣтехъ». Рыцарство не знаетъ «нѣтчиковъ»: оно выбрасываетъ безпощадно изъ своей среды — въ клиръ, въ монастырь — всѣхъ, лишенныхъ военной доблести. Есть люди, которые объясняютъ слабость военного сознанія московской Руси духомъ православія. Достаточно указать на православную Кіевскую Русь, создавшую свое княжеское рыцарство, чтобы отвести эту ссылку. Повидимому, самая принудительность, государственное закрѣпощеніе военного дѣла, какъ службы, парализовали развитіе рыцарскаго сознанія. Китай и древній Египетъ — какъ поздній Римъ и Византія — тоже его не знаютъ.

Въ 18-мъ вѣкѣ дворянство стоитъ одно у трона. Оно оттѣсняетъ купечество и духовенство далеко внизъ къ чернымъ, податнымъ сословіямъ, къ крѣпостному мужику. Оно одно восприняло духъ Петровской реформы: западное просвѣщеніе и новый имперскій патріотизмъ. У европейскаго дворянства оно нашло, наконецъ, то, чего ему недоставало: кодексъ чести, «chevalerie», и идеалъ военной доблести. Русское офицерство жило ими до дней великой войны, все болѣе одинокое со своими «средневѣковыми» пережитками среди мирнаго, «цивилизованнаго» общества. Европейски воспитанные офицеры сдѣлали русскую армію непобѣдимой. Вооруженный помѣщикъ въ Москвѣ умѣлъ отсиживаться за стѣнами крѣпостей, или трудиться, проливая болѣе пота, чѣмъ крови, въ оборонѣ страны отъ азіатовъ. При преемникахъ Петра русскіе били пруссаковъ, французовъ — лучшія европейскія арміи. Россія создаетъ и первоклассныхъ военныхъ геніевъ. Золотой вѣкъ дворянства — дворянской царицы Екатерины — есть вмѣстѣ съ тѣмъ вершина русской государственной мощи.

Золотой вѣкъ дворянства принесъ ему и дары Пандоры: указъ о вольностяхъ. Еще свѣжа была память о томъ роковомъ днѣ, когда раздоры въ средѣ шляхетства и его политическая неорганизованность помѣшали ему закрѣпить въ правовыхъ формахъ его участіе въ государственной власти. Оно продолжало вліять на судьбу имперіи путемъ царевубійствъ и дворцовыхъ заговоровъ. И благодарное самодержавіе освободило его не только отъ власти, но и отъ службы. Дворянинъ остается государемъ

надъ своими рабами, переставъ нести — сознать на своихъ плечахъ — тяжесть имперіи. Начинается процессъ обезгосударствленія, «деэтантаци» дворянства, по своимъ роковымъ послѣдствіямъ для государства аналогичный процессу секуляризации культуры — для Церкви. Его скраниваетъ пышный расцвѣтъ дворянской культуры: Александровскіе годы, вѣкъ поэтовъ и меценатовъ, дэнди и политическихъ мечтателей. Конечно, дворянство еще служить, еще воюетъ, но изъ чтенія Пушкина, какъ и Вигеля, выносишь впечатлѣніе, что оно больше всего наслаждается жизнью. Эта утонченная, праздная среда оказалась великолѣпнымъ питомникомъ для экзотическихъ плодовъ культуры. Но самая ихъ экзотичность внушаетъ тревогу. Именно отрывъ части дворянства — какъ разъ наиболѣе культурной — отъ государственнаго дѣла усиливаетъ заложенную въ духѣ Петровской реформы беспочвенность его культуры.

Политическое міровоззрѣніе декабристовъ, конечно, питается не столько впечатлѣніями русской жизни, сколько западнымъ либерализмомъ. Ихъ героическая фаланга въ Пруссіи строила бы вмѣстѣ со Штейномъ національное государство. Въ Россіи они не нашли себѣ мѣста, или имъ не нашлось мѣста. Трагизмъ Россіи былъ въ томъ, что «лишними людьми» въ ней оказались не только слабые. Дворянство начинаетъ становиться поставщикомъ лишнихъ людей... Лишь небольшая часть ихъ поглощается въ послѣдствіи революціоннымъ движеніемъ. Основной слой осѣдаетъ въ усадьбахъ, опредѣляя своимъ упадочнымъ бытомъ упадочныя настроенія русскаго 19-го вѣка.

Конечно, Николаевской Россіи нельзя судить по Гоголю. Но бытописатели дворянской Россіи — Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій — оставили намъ недвусмысленную картину вырождающагося быта. Она скрашивается еще неизжитой жизнерадостностью, буйствомъ физическихъ силъ. Охота, любовь, лукулловскіе пиры и неистощимыя выдумки на развлеченія — заслоняютъ иппократово лицо недуга. Но что за этимъ? Дворянинъ, который, дослужившись до перваго, корнетскаго чина, выходитъ въ отставку, чтобы гоняться за зайцами и дурить всю свою жизнь, становится типичнымъ явленіемъ. Если бы онъ, по крайней мѣрѣ, перемѣнилъ службу на хозяйство! Но хозяйство всегда было слабымъ мѣстомъ

русскаго дворянства. Хозяйство, т. е. неумѣлая затѣя, окончательно разоряютъ помѣщика, который можетъ существовать лишь на счетъ дароваго труда рабовъ. Исключенія были. Но все экономическое развитіе XIX вѣка — быстрая ликвидація дворянскаго землевладѣнія послѣ освобожденія, — говоритъ о малой жизненности помѣщичьяго хозяйства. Дворянинъ, переставшій быть политической силой, не дѣлается и силой хозяйственной. Онъ до конца, до дней революціи, не перестаетъ давать русской культурѣ людей, имена которыхъ служатъ ея украшеніемъ. Но онъ же отравляетъ эту культуру своимъ смертельнымъ недугомъ, имя которому «атонія».

Самое поразительное, что эта дворянская «атонія» принималась многими за выраженіе русскаго духа, Обломовъ — за національнаго героя. Наши классики — бытописатели дворянства — искали положительныхъ, сильныхъ героевъ среди иностранцевъ, не находя ихъ вокругъ себя. Только Мельниковъ и Лѣсковъ запечатлѣли подлинно русскіе и героическіе образы, найдя ихъ въ нетронутыхъ дворянской культурой слояхъ народа. Лѣсковъ — этотъ кроткій и склонный къ идилліи писатель — становится жестокимъ, когда подходитъ къ дворянскому быту. Самый могучій отпрыскъ дворянскаго ствола въ русской литературѣ, Толстой, произнесъ самый беспощадный судъ надъ породившей его культурой и подрубилъ подъ корень вѣковое дерево.

Дворянская культура не могла пережить крестьянскаго освобожденія. Хозяйственный упадокъ разорилъ почву, на которой нѣкогда произрастали пышные цвѣты: усадьбы-дворцы съ домашними театрами и итальянскими картинами, тонкій языкъ, воспитанный на галлицизмахъ, общеніе съ передовыми умами Запада. Безостановочное продвиженіе разночинцевъ завершило «разрушеніе эстетики», гибель философіи, лорчу языка и, главное, искусства жизни. Въ Россіи перестаютъ веселиться, разучиваются танцовать, забываютъ самое сладостное изъ искусствъ — любовь. Наступаетъ время желчевиковъ и поджигателей. Съ каждымъ поколѣніемъ дворянство неудержимо падаетъ, скудѣя матеріально и духовно. Последнія зарисовки дворянскими беллетристами — Бунины, Ал. Толстымъ — своего класса показываютъ уже трупъ.

Въ смерти дворянства нѣтъ ничего страшнаго. Въ Ев-

ропѣ XIX в. дворянство представляет тоже скорѣе упадочный, хотя и не сдающійся классъ. Бѣда Россіи въ томъ, что умирающій классъ не оставилъ послѣ себя наследника. Его культурное знамя подхватили разночинцы, его государственной службы передать было некому. Поразительно: чѣмъ болѣе хирѣло благородное сословіе, тѣмъ заботливѣе опекало его государство, стремясь подпереть себя гнилой опорой. Съ Александра III дворянская идея переживаетъ осенній ренессансъ. Всякій недоучка и лодырѣ можетъ управлять волостями въ качествѣ земскаго начальника, съ болѣе громкой фамиліей — цѣлыми губерніями. Несомнѣнно, что въ этой запоздалой попыткѣ оживленія трупа самодержавіе расточило весь свой моральный капиталъ, которымъ оно обладало еще на нашей памяти въ сознаніи народныхъ массъ.

Но политическая пора дворянства ушла давно и безвозвратно. Отодвинутое монархіей отъ участія во власти въ началѣ XIX в., оно съ тѣхъ поръ утратило всѣ политическія традиціи лучшей своей поры. Теперь, когда понадобилась его служба, оно могло принести государству лишь опытъ исаарни и сѣнной. Среди всеобщей абуліи неврастеническое покрикиваніе капризнаго барина сходило за проявленіе сильнаго характера. Во дворцѣ тосковали по сильнымъ людямъ не меньше, чѣмъ тосковали по нимъ героини русскихъ романовъ. Барановы, Зеленые и Думбадзе были въ государственномъ масштабѣ тѣмъ же, чѣмъ босяки Горькаго въ литературѣ: допингомъ для усталыхъ душъ.

Дворянство, какъ классъ, умирало. Это не значитъ, что оно растворилось безслѣдно. Напротивъ, его вліяніе въ русской жизни было и осталось громаднымъ. Дворянство, сходя со сцены, функционально претворилось въ тѣ силы, которыя подѣлили между собой его бывшее государственное и культурное дѣло. Эти силы, призванныя смѣнить его, были: бюрократія, армія, интеллигенція.

3. Бюрократія.

Русская бюрократія — это новый служилый классъ, который создаетъ имперія, пытаясь замѣнить имъ слишкомъ вольное, охладѣвшее къ службѣ дворянство.

Въ 16-мъ вѣкѣ смѣна княжескаго боярства худороднымъ помѣстнымъ классомъ приняла характеръ насильст-

венной революціи, поколебавшей самые устои московскаго царства. Въ 19-мъ вѣкѣ реформа была проведена такъ бережно, что дворянство сперва и не замѣтило ея послѣдствій. Дворянство сохранило всѣ командные посты въ новой организаціи и думало, что система управленія не измѣнилась. Въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, бюрократія была «инобытіемъ» дворянства: новой, упорядоченной формой его службы. Но духъ системы измѣнился радикально: ея создатель, Сперанскій, стоитъ на порогѣ новой, бюрократической Россіи, глубоко отличной отъ Россіи 18-го вѣка.

Пусть Петръ составилъ табель о рангахъ, — только Сперанскому удалось положить табель о рангахъ въ основу политической структуры Россіи. 18 вѣкѣ не зналъ бюрократіи: плодилъ еще московскихъ дьяковъ и подьячихъ, старое «крапивное сѣмя», строчителей князюныхъ бумагъ, побирušекъ и «ябедниковъ», сообщающихъ провинціальному административному быту 18 вѣка столь архаическій допетровскій стиль. Надъ эгою арміею старыхъ приказныхъ, переодѣтыхъ въ новые мундиры, всюду царить вельможа, роскошный и своевольный баринъ, который на службу склоненъ смотрѣть, какъ на жалованную вотчину. 18 вѣкѣ — вѣкѣ временщиковъ и фаворитовъ — налагаетъ на провинціальную Россію причудливыя черты поздняго европейскаго феодализма. Передъ нами словно послѣдніе дни княжескихъ сенъерій — дни Фронды, феодалное лѣто св. Мартина, въ канунъ политической смерти французскаго дворянства. Мемуары александровскаго времени еще отражаютъ этотъ бытъ. Плѣнные французы 12-го года всерьезъ принимали саратовскую вотчину князей Голицыныхъ за вассальное княжество. Порода и связи — помимо талантовъ — почти исключительно опредѣляютъ служебную карьеру. Каждый вельможа поднимаетъ за собой цѣлый кланъ родственниковъ, кліентовъ, прихлебателей. Карьеры создаются фантастически быстро, но столь же быстро и обрываются, въ результатѣ придворной катастрофы.

Поповичъ Сперанскій положилъ конецъ этому дворянскому раздолью. Онъ, дѣйствительно, сумѣлъ всю Россію уловить, уложить въ тончайшую сѣть табели о рангахъ, дисциплинировалъ, заставилъ работать новый правящій классъ. Служба уравнивала дворянина съ разночинцемъ. Россія знала мужиковъ, умиравшихъ членами Государст-

вееннаго Совѣта. Привилегіи дворянина сохранились и здѣсь. Его нодѣемъ по четырнадцати классическимъ ступенямъ лѣстницы напминаль иногда взлетѣ балерины; разночинець всползалъ съ упорствомъ и медленностью улитки. Но не дворянинъ, а разночинець сообщалъ свой духъ системѣ.

Начиная съ николаевскаго времени, русская литература разрабатываетъ новую, неистощимую тему: судьба маленькаго чиновника, его подлостей, его добродѣтелей, его страданій. Явный признакъ перерожденія соціальной ткани. Дворянская усадьба Тургенева, Григоровича, Гончарова, соціально-бездѣйственная, «лишняя», хотя и утонченная, — и канцелярія, которая открываетъ свои двери не только для жалкихъ Акакіевъ Акакіевичей, но и для сильныхъ, кипящихъ рабочей энергіей честолюбцевъ («Тысяча душъ»).

Сперанскій создалъ, какъ извѣстно, свою административную систему съ наполеоновскихъ образцовъ. Чтобы привести ее въ дѣйствіе, чтобы впрямь въ оглобли даровитую, но безпорядочную русскую натуру, понадобились нѣмцы, много нѣмцевъ. Недаромъ два русскихъ бюрократическихъ царствованія — Николая I и Александра II — были эпохой балтійскаго засилья. И все же нельзя отрицать, что эта система получила нѣкоторый національный отгѣнокъ. Николаевскій чиновникъ, какъ и безсрочный николаевскій солдатъ, въ концѣ концовъ, умѣлъ вложить въ эту чужую нѣмецкую форму труда и службы капельку сердца, теплоту русскаго патріотическаго чувства. Николаевская эпоха знала не однихъ взяточниковъ и черствыхъ карьеристовъ, но и неподкупныхъ праведниковъ, честно заработавшихъ свою пряжку за тридцатипятилѣтнюю «безпорочную» службу. Тѣ, кто знавалъ въ своей молодости старыхъ служакъ николаевскаго времени, поймутъ, что я хочу сказать. Два или три праведника спасаютъ Гоморру. Спасали они и Николаевскую Россію — вплоть до Севастополя. Не только спасали, но и окружили ее памятью легендой, живымъ, творимымъ мифомъ. Николай I, столь ненавистный — и справедливо ненавистный — русской интеллигенціи, былъ послѣднимъ популярнымъ русскимъ царемъ. О немъ, какъ о Петрѣ Великомъ, народное воображеніе создало множество исторій, анекдотовъ, часть которыхъ отложила у Лѣскова, и которые жили въ патріархальной Россіи до порога XX вѣка. Носителемъ этой

живой легенды былъ николаевскій ветеранъ, старый служака, вложившій въ канцелярскую службу свой идеаль служенія.

Слѣдуетъ ли удивляться тому, что праведниковъ было такъ мало? Древней Руси, повидимому, всегда былъ чуждъ образъ честнаго судьи. Въ отличіе отъ всѣхъ народовъ, ни одного изъ царей своихъ народъ русскій не поминалъ, какъ царя правосуднаго. Народныя пословицы, сказки ярко и беззлобно отразили неправду московскихъ приказовъ, воеводскихъ избъ. Народъ вѣками свыкъся съ двумя истинами: нѣтъ грѣха въ томъ, чтобы воровать казенное добро, а судья на то и судья, чтобы судилъ несправедно. Удивляться надо тому, насколько удалось Сперанскому оздоровить это крапивное болото приливкой европейскаго идеала долга. Главный порокъ николаевской системы не въ этомъ. Болѣзнь заключалась въ оскудѣніи творчества, въ изсяканіи источниковъ политическаго вдохновенія. Огромная, прекрасно слаженная машина работала, повидимому, исключительно для собственнаго самосохраненія; ея холостой ходъ напоминаетъ бѣличій трудъ большевицкихъ вѣдомствъ. Царь, изолировавшій себя отъ дворянства и общественныхъ вліяній, былъ безсиленъ указать великой Россіи достойные ея пути: увязилъ ее въ провинціальномъ миргородскомъ болотѣ.

Николаевская канцелярія не была послѣднимъ словомъ бюрократіи на Руси. Вѣрнѣе, она была ея первымъ словомъ. Поелѣ нея бюрократія пережила у насъ двѣ фазы: либеральныхъ реформаторовъ Александра II и «людей двадцатаго числа» двухъ послѣднихъ царствованій.

Свѣжій вѣтеръ, подувшій по петербургскимъ канцеляріямъ въ пятидесятые годы, былъ такъ крѣпокъ, что обѣщаль, было, опять, къ великому счастью Россіи, закопать ровъ между людьми службы и людьми идеи. Милютинъ, Зарудные и Кони тому свидѣтели. Либеральный бюрократъ, искореняющій взяточничество, ревизующій губерніи, провѣтривающій темное царство — излюбленная фигура у беллетристовъ середины вѣка. Но свѣжій вѣтеръ упалъ быстро. Молодымъ либераламъ на службѣ приходилось въ спѣшномъ порядкѣ консервироваться. Модная англomanія позволяла изящно и нечувствительно совершать превращеніе изъ виговъ въ тори. Но эта быстрая смѣна теченій, съ повторными перебоями и реакціями, ока-

зала самое губительное моральное дѣйствіе. Царствованіе Александра II создало безсовѣстный типъ карьериста, европейски лощенаго, ни во что не вѣрующаго, ловящаго вѣяніе сферъ.

Чуткость къ вѣяніямъ — явленіе новое — дѣлается едва ли не главнымъ двигателемъ бюрократической карьеры: родовитость, связи и таланты — все отступаетъ передъ барометрической чувствительностью.

Съ 1881 года особой чуткости опять не требуется. Вѣтеръ дуетъ одинъ безъ перерыва — вѣтеръ реакціи, который гонитъ корабль на скалы. Опасности никто не видитъ, — не чувствуетъ даже движенія корабля. Кажется, что онъ прочно засѣлъ на мель, и команда отъ нечего дѣлать разбрелась кто куда — ловить рыбу, играть въ карты. Русский служилый классъ конца XIX вѣка открыто и принципиально приноситъ въ жертву личнымъ и семейнымъ интересамъ дѣло государства. Ему уже нечего стѣсняться. Своскорыстіе, какъ форма аполитизма, служить патентомъ на благонадежность. За Россію могутъ, если хотять, умирать крамольные студенты; чиновникъ думаетъ о томъ, чтобы вывести въ люди своихъ дѣтей и обезпечить себѣ приличную пенсію подъ старость.

Сравнительно съ классическимъ режимомъ николаевскихъ лѣтъ, служба облегчилась, дисциплина повывѣтрилась. Служба въ концѣ концовъ сводится къ просиживанію въ учрежденіяхъ пяти-шести часовъ, скрашиваемыхъ пріятными разговорами. Нужно быть горькимъ пьяницей или совершить уголовное преступленіе, чтобы потерять обезпеченное мѣсто. Служба и являлась для сотенъ тысячъ особой формой соціального обезпеченія, пожизненной рентой, на которую даетъ право школьный дипломъ. Элементъ соревнованія, борьбы за жизнь, озонирующій дѣловыя и либеральныя профессіи, на службѣ былъ не обязателенъ. За исключеніемъ немногихъ карьеристовъ — мало уважаемыхъ въ своей средѣ — служебное повышеніе обуславливалось временемъ, то есть факторомъ, несоизмѣримымъ съ количествомъ и качествомъ труда. Призванная нѣкогда спасать Россію отъ творянской атоніи бюрократія вырождалась въ огромную государственную школу бездѣлья.

Самое страшное — это непомѣрное разбуханіе новаго правящаго класса, который стремился вобрать въ себя едва ли не всю грамотную Русь. Дворянство, когда-то укло-

нявшееся отъ службы, къ концу вѣка, нищая и разоряясь, возвращается на казенные хлѣба. Для крестьянскаго или «кухаркина» сына, если онъ имѣлъ (легкую) возможность протащиться черезъ четыре-шесть классовъ средней школы, но не имѣлъ дарованій пробить себѣ путь въ жизни, служба была единственной дорогой. Половина населенія русскихъ городовъ ходила въ форменныхъ шинеляхъ. Синія фуражки гимназистовъ приготавливали къ цвѣтнымъ вѣдомственнымъ околышамъ.

Когда два человѣка въ старой Россіи освѣдомлялись о социальномъ положеніи другъ друга, они спрашивали: «Гдѣ вы служите?» подобно тому, какъ китайцы, говорятъ, здороваются другъ съ другомъ, задавая вопросъ: «Кушали ли вы рисъ?». Мы всѣ отлично помнимъ, что обиліе мундировъ не придавало русской улицѣ военнаго стиля. Одутловатые, сутулящіеся, съ лѣнивой, развинченной походкой, носители форменныхъ шинелей всѣмъ своимъ обликомъ сигнализировали физическое и моральное истощеніе.

Унылой паутиной скуки была затянута эта жизнь — благодсловенное царствованіе Александра III. Паденіе честолюбія сказывалось въ томъ, что даже чиновничьи жены не помнили хорошо ни порядка знаменитыхъ четырнадцати ступеней, ни качества получаемыхъ крестиковъ: невещественные, но нѣкогда могущественные социальные символы, опредѣлявшіе судьбу человѣка поколѣніе тому назадъ. Слово «чиновникъ» (въ сущности, чѣмъ не «сановникъ»? — филологически одно и то же) перестало связываться съ идеей чина, почета, вырождаясь въ «чинушу», обогащаясь ассоціаціями скуки и мелочности. Характерно, что сами члены этого первенствующаго въ Россіи сословія предпочитали называть себя интеллигенціей. И это при всемъ побочномъ одіозно-революціонномъ смыслѣ, связанномъ съ послѣднимъ словомъ.

Конечно, талантливые люди есть вездѣ. Давала изрѣдка талантливыхъ, чаще дѣльныхъ, трудолюбивыхъ людей и русская бюрократія послѣднихъ десятилѣтій. Но самые выдающіеся среди нихъ, подлинно государственные люди, вродѣ гр. Витте, поражаютъ однобокостью спеціалиста, отсутствіемъ настоящей культуры. Въ сущности, русскимъ бюрократическимъ верхамъ не хватало не только творческихъ идей, но и воли къ власти, даже реальной власти надъ страной.

Старое, еще не умершее окончательно, начало породы дѣйствовало анархически. Родовитая знать, слишкомъ лѣнивая, чтобы управлять государствомъ, охотно свалила эту обузу на плечи министровъ - тружениковъ, честныхъ «спецовъ» — еще дѣйствительно честныхъ подъ строгой ферулой Александра III. Но принять этихъ дворянъ-чиновниковъ, полу-плебеевъ въ свою среду знать не могла. Императорскіе министры царской Россіи стояли иногда внѣ свѣта, какъ министры республиканской Франціи. Не имѣя путей во дворець, лишены возможности использовать въ государственныхъ цѣляхъ почти всесильныя въ условіяхъ вырождающагося самодержавія закулисныя вліянія, министры оставались техниками - рутинерами, безсильными дать новый поворотъ рулю.

Вотъ почему было бы трудно сказать, что бюрократія управляла Россіей. Во всякомъ случаѣ, она не направила. Отсюда потребность въ послѣднее, бурное царствованіе найти новый волевой стержень для русской политики. Отсюда эти запоздалые поиски суррогатовъ общественности — попытка подпереть престолъ Совѣтомъ Объединеннаго Дворянства, или Союзомъ Русскаго Народа. Когда эти опоры оказались гнилыми, утопающіе во дворцѣ хватаются за сильныхъ людей, ищутъ героевъ, святыхъ. За Столыпинимъ приходитъ часъ Иліодора, пока, наконецъ, русскіе министры и вмѣстѣ съ ними весь чудовищный бюрократическій механизмъ не оказывается игрушкой въ рукахъ зловѣщаго Старца, подлиннаго правителя Россіи въ ея послѣдніе трагическіе годы.

4. Интеллигенція.

Кому должна достаться власть, выпадающая изъ слабыхъ дворянскихъ и чиновничьихъ рукъ? Такова проблема, поставленная передъ Россіей конца XIX вѣка — самая серьезная изъ ея политическихъ проблемъ. За судорогами революціонныхъ и реакціонныхъ спазмовъ вырисовывается все тотъ же вопросъ: гдѣ классъ, который вольетъ новую кровь въ дряхлѣющую государственный организмъ, вдохнетъ въ него волю къ творчеству, къ жизни и побѣдѣ? Объективно интеллигенція предъявила свои права на власть, боролась за нее болѣе полувѣка и потерпѣла поражение въ 1917 году. Я говорю: объективно, потому что въ сознаніи своемъ интеллигенція боялась власти, пре-

зирала ее и — въ странной непослѣдовательности — мечтала о власти для народа. Во власти интеллигенціи всегда чувалось нѣчто грязное и грѣшное. Она была сурова ко всѣмъ яркимъ выразителямъ государственной идеи въ исторіи. Въ политику она вкладывала моральный паюсъ, видя въ ней необходимую форму реализаціи справедливости. Да и въ политикѣ ее плѣняла, скорѣе, сама борьба, а не реализація, — жертва, а не побѣда. И все же: интеллигенція была охвачена политической страстью, имѣемъ право сказать, — политическимъ безуміемъ. Кто борется, рискуетъ побѣдить. Интеллигенція не могла не считаться съ возможностью своей побѣды, но побѣда въ политической борьбѣ есть власть. Интеллигенція шла къ власти и лишь обманывала себя призрачной властью народа. Чѣмъ реальнѣе рисовалась грядущая революція, тѣмъ неизбежнѣе было для нея пересаживаться со стараго анархическаго коня шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ въ сѣдло западно-европейской демократіи, лишь скрашенное социалистическимъ флеромъ. Но демократія есть представительство. Именемъ и голосомъ мужика и рабочаго, адвокаты, профессоръ и журналистъ будутъ править Россіей. Это стало ясно въ 1906 году, когда интеллигенція уже намѣтила свое «общественное» правительство. Отнынь исходъ революціи и вмѣстѣ съ нимъ судьба Россіи опредѣляются степенью способности интеллигенціи къ власти.

Въ другомъ мѣстѣ*) мы пытались судить интеллигенцію, какъ идеологическую группу, усматривая ея Ахиллесову пятю (и даже ея конститутивный признакъ) въ беспочвенности ея идеализма. Не трудно видѣть, что эти качества были предопредѣлены самымъ рожденіемъ ея въ Петровской революціи. Въ теченіе столѣтій ея функціей было несеніе въ Россію — въ народъ — готовой западной культуры, всегда въ кричащемъ противорѣчьи съ хранимыми въ народѣ переживаніями древне-русской и византійской культуры. Отрывъ отъ почвы былъ своего рода заданіемъ Петра. Въ этомъ отрывѣ интеллигенція болѣе вѣка шла съ монархіей, пока не обратила противъ нея жала своей критики.

Сейчасъ насъ интересуесть, однако, лишь та интеллиген-

*) Е. Богдановъ, Трагедія интеллигенціи Сборникъ «Версты» № 2. Парижъ 1927

ція, тѣ ея теченія, особливо вліятельныя, которыя вели борьбу съ властью — и, слѣдовательно, предъявляли права на власть. «Правыя» теченія поддерживали монархію и ея историческія опоры: дворянство, бюрократію, пытаясь или оправдать существующее или возродить его огнемъ идеи. «Лѣвыя» таранили власть болѣе полувѣка, въ самыхъ сильныхъ своихъ партіяхъ и общественныхъ движеніяхъ ставили революцію своей цѣлью и, слѣдовательно, несутъ или, по крайней мѣрѣ, раздѣляютъ отвѣтственность за нее.

Каковы были причины господствующаго революціоннаго настроенія интеллигенціи? Отрѣшимся отъ ея собственныхъ схемъ, субъективно окрашенныхъ. Съ ея точки зрѣнія, движущимъ стимуломъ были невыносимыя страданія народныхъ массъ. Страданія массъ, на костяхъ которыхъ строится культура, остаются наиболее устойчивымъ явленіемъ въ исторіи. Но лишь изрѣдка, при особыхъ обстоятельствахъ они ощущаются, какъ трагическое бѣдствіе. Сравнительно съ Англійей половины 19 вѣка, Россія, только что освобожденная отъ крѣпостного рабства, казалась страной соціального благополучія. На этомъ относительно благополучіи крестьянства, безъ всякаго лицемерія, славянофилы могли строить свою вѣру въ крѣпость русскаго соціального быта. Но и славянофилы задохались въ Николаевской Россіи. Гдѣ же корень трагическаго расхожденія между исторической властью Россіи и ея интеллигенціей?

По нашему убѣжденію, этотъ корень — въ измѣнѣ монархіи своему просвѣтительному призванію. Съ Александра I монархія находится въ состояніи хроническаго испуга. Французская революція и развитіе Европы держатъ ее въ тревогѣ, не обоснованномъ въ событіяхъ русской жизни. Обскурантизмъ власти — это ся форма западничества, — тѣнь Меттерниха, которая упавъ на Россію, превращала ее въ славянскую Австрію. Благодаря Петровской традиціи и отсутствію революціонныхъ классовъ, для русской монархіи было вполне возможнымъ сохранить въ своихъ рукахъ организацію культуры. Впавъ въ неизлѣчимую болѣзнь мракобѣсія, монархія не только подрывала техническія силы Россіи, губя мощь ея арміи, но и создала мучительный разрывъ съ тѣмъ классомъ, для котораго культура — нравственный законъ и матеріальное условіе жизни. Красныя чернила Николаевской цензуры,

по опредѣленію Некрасова, были кровью писателя. Этой крови интеллигенція не имѣла права простить.

XIX вѣкъ — время величайшаго расцвѣта новой русской культуры. Бытіе народовъ и государствъ оправдывается только творимой ими культурой. Русская культура оправдывала имперію Россійскую. Пушкинъ, Толстой, Достоевскій были вѣщносцами русскаго народа. Правительство маленькихъ Александровъ и Николаевъ дерзнуло вступить въ трусливую, мелкую войну съ великой культурой, возглавляемой исполинами духа. Интеллигенція, еще чуждая политическихъ интересовъ и страстей, воспитывалась десятилѣтіями въ священной оборонѣ русскаго слова. Борьба за слово и, слѣдовательно, за совѣсть, за высшія права духа была той правой метафизической почвой, которая вливала силы въ новыя и новыя поколѣнія поверженныхъ политическихъ бойцовъ.

Вступленіе интеллигенціи на политическій путь вызывалось, помимо духовнаго разрыва съ властью (что само по себѣ недостаточно), самымъ вырожденіемъ дворянской и бюрократической политики. Въ интеллигенціи говорила праведная тревога за Россію и праведное чувство отвѣтственности. Но вся политическая дѣятельность интеллигенціи была сплошной трагедіей.

Она вышла на политическій путь изъ дворянскихъ усадебъ и іерейскихъ домовъ — безъ всякаго политическаго опыта, безъ всякой связи съ государственнымъ дѣломъ и даже съ русской дѣйствительностью. Привыкнувъ дышать разрѣженнымъ воздухомъ идей, она съ ужасомъ и отвращеніемъ взирала на міръ дѣйствительности. Онъ казался ей то пошлымъ, то жуткимъ; уставъ смѣяться надъ нимъ и обличать его, она хотѣла разрушить его — съ корнемъ, безъ пощады, съ той прямолинейностью, которая почиталась долгомъ совѣсти въ царствѣ отвлеченной мысли. Отсюда пресловутый максимализмъ ея программъ, радикализмъ — тактики. Всякая «постепеновщина» отменялась, какъ недостойный моральный компромиссъ. Ибо самое отношеніе интеллигенціи къ политикѣ было не политическимъ отношеніемъ, а бессознательно религіознымъ. Благодаря отрыву отъ исторической Церкви и кореннаго русла народной жизни, религіозность эта не могла не быть сектантской. Такъ называемая политическая дѣятельность интеллигенціи зачастую была по существу, сектантской борьбой съ царствомъ звѣря-государства —

борьбой, гдѣ мученичество было само по себѣ завидной цѣлью. Очевидно, у этихъ людей не могло найтись никакого общаго языка съ властью, и никакія уступки власти уже не могли бы насытить апокалиптической жажды. Въ этомъ была заколдованность круга.

Правда, остается еще умѣренный либерализмъ, какъ возможный контрагентъ переговоровъ. Но либеральныя теченія никогда не были особенно вліятельны въ русской жизни. За ними не стояло силы героическаго подвижничества, не стояло и спокойной поддержки общественныхъ классовъ. Самое содержаніе ихъ идеаловъ представляло зачастую лишь остывшую форму революціонной лавы. Русскій либерализмъ долго питался не столько силами русской жизни, сколько впечатлѣніями заграничныхъ пѣздокъ, поверхностнымъ восторгомъ передъ чудесами европейской цивилизаціи, при полномъ неумѣніи связать свой просвѣтительный идеалъ съ движушими силами русской жизни. Только монархія могла-бы, если-бы хотѣла, осуществлять либеральныя реформы въ Россіи. Но монархія не хотѣла, а у барина-либерала не было общаго языка даже съ московскимъ купцомъ, не говоря уже о его собственныхъ крѣпостныхъ. Въ условіяхъ русской жизни (окостенѣніе монархіи) либерализмъ превращался въ силу разрушительную и невольно работалъ для дѣла революціи.

Западническое содержаніе идеаловъ, какъ лѣвой, такъ и либеральной общестственности, при хронической борьбѣ съ государственной властью, приводило къ болѣзни антинаціонализма. Все, что было связано съ государственной мощью Россіи, съ ея героическимъ преданіемъ, съ ея міровыми или имперскими задачами, было взято подъ подозрѣніе, разлагалось ядомъ скептицизма. За правительствомъ и монархіей, объектомъ ненависти становилась уже сама Россія: русское государство, русская нація. Русскій революціонизмъ и даже русскій либерализмъ принималъ пораженческій характеръ, ярко сказавшійся въ японскую войну. Это анти-національное направленіе, если не всей, то вліятельной интеллигенціи, дѣлало невозможнымъ для патріотическихъ круговъ дворянства (и арміи) примиреніе съ нею, признаніе относительной правды ея идей.

Передъ интеллигенціей ставилась задача: пробиться изъ осажденной крѣпости самодержавія — въ народъ. Найти въ крестьянскихъ и рабочихъ массахъ, тоже стр.

дающихъ отъ чиновничьяго произвола, сообщниковъ въ своей борьбѣ. Но тутъ она встрѣтилась съ тяжелымъ, непреодолимымъ недоумѣемъ къ ней со стороны массъ, которое сопровождаетъ всѣ трагическія попытки интеллигентскаго исхода «въ народъ». Это недоумѣіе лишь видимо зарубцовалось въ революцію 1905 года и снова въ 1917 году разверзло между народомъ и интеллигенціей пропасть, похоронившую не только царскую власть, но и демократическую революцію.

Какъ объяснить это вѣчное недоумѣіе народа къ интеллигенціи? Для пониманія его необходимо остановиться на одной особенноти образованія интеллигенціи въ Россіи. Углубившись въ нее, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дорисуемъ нашъ портретъ интеллигенціи — уже не только, какъ носительницы извѣстныхъ идей, но и какъ общественнаго слоя съ его бытовыми чертами, обрекавшими его, не менѣе самихъ идей, на политическое безсиліе.

**
*

Есть коренное отличіе въ исторіи образованія интеллигенціи, въ широкомъ смыслѣ, на Западѣ и въ Россіи. Различіе это сводится къ тому, что европейская интеллигенція новаго времени была однимъ изъ слоевъ третьяго сословія, питалась соками городской буржуазіи, воспитывалась въ ея дисциплинѣ, защищала ея право. У насъ питомникомъ интеллигенціи было дворянство. Съ приходомъ разночинцевъ, гегемонія дворянства не сразу пала. Поразительно, до какой степени даже революціонныя партіи блещутъ дворянскими именами — до самаго конца: Герценъ, Бакунинъ, кн. Крапоткинъ, Лавровъ, Плехановъ, Ленинъ. Мы видимъ: это не перебѣжчики, а вожди. Дворянскій слой непропорціонально великъ и среди квалифицированной интеллигенціи, въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ.

Главнымъ проводникомъ дворянскихъ вліяній, настоящей машиной для переливки въ дворянскія формы демократической Россіи была школа.

Средняя и высшая школа создана у насъ государствомъ для надобностей дворянства и для образованія бюрократіи. Такой характеръ она сохранила до самаго конца. Неудача профессиональныхъ и коммерческихъ школъ всего лучше свидѣтельствуесть объ этомъ. Процентъ дворянъ

въ средней школѣ и въ университетѣ былъ невеликъ; русская школа чрезвычайно демократична по своему составу. Но какіе нибудь десять процентовъ дворянъ опредѣляли характеръ школы, характеръ всего образованнаго класса. Дворянинъ, выходя изъ университета, даже живч революціонными идеями, въ общественномъ отношеніи оставался членомъ своего класса. Для «кухаркиныхъ» и даже купеческихъ дѣтей образованіе означало разрывъ съ семьей, съ классомъ, съ цѣлой культурой. Дѣти пролетаріевъ получали у насъ дворянское воспитаніе, какое въ Европѣ выпадаетъ на долю привилегированной элиты. Классическіе языки составляютъ, какъ извѣстно, главный ингредиентъ аристократическаго образованія — строго охраняемыя ворота въ міръ утонченной культуры. У насъ ворота эти не вели никуда, стояли просто на телячьемъ выгонѣ, въ видѣ непонятной классической руины. «Кухаркины дѣти» жили — или должны были жить — въ мірѣ греческой міеологіи, подобно меценатамъ пушкинской эпохи. Всѣ мы знаемъ, что наша школа воспитывала въ лѣности и барствѣ. Виной тому не одна ея программа и педагогическіе методы. Дворянинъ приносилъ съ собою лѣнь, какъ наслѣдственную привиллегію. Разночинецъ разлагался въ школѣ, потому что семья его была, въ сущности, ей враждебна, не понимала ея смысла, могла пороть лѣнтя за единицы, но не могла пріучить его къ умственному труду.

Не давая навыковъ къ умственному труду, школа убивала въ разночинцѣ вкусъ къ труду физическому. Крестьянская дѣвушка, попадая въ уѣздную или сельскую гимназію, училась брэнчать на фортепьянахъ, но стыдилась помогать матери по хозяйству. Мыть полы, даже стряпать на кухнѣ для барышни величайшій позоръ. Дворянское презрѣніе къ черному труду русской интеллигентъ умѣлъ привить даже людямъ, которые не успѣли еще отмыть своихъ трудовыхъ рукъ. Дворникъ и лавочникъ съ величайшимъ трудомъ и жертвами тащили своихъ Ванекъ и Васекъ сквозь мытарства классической, въ худшемъ случаѣ, реальной школы и не желали отдавать ихъ въ ремесленные училища. Если мальчишка проявлялъ клиническую гносифобію, изгнанный изъ двухъ, трехъ заведеній, онъ все еще могъ попасть въ юнкерское училище и, въ концѣ концовъ, выйти въ люди околоточнымъ надзирателемъ или помощникомъ надзирателя тюрьмы. Бѣлымъ

руки были знакомъ благородства и культуры. Что удивительнаго, если господами и бѣлоручками народъ считаль своихъ непризнанныхъ учителей?

Физическая безпомощность влечетъ за собою физическое безсиліе. Интеллигентъ презираль снортъ такъ же, какъ и трудъ, и не могъ защитить себя отъ физическаго оскорбленія. Ненавидя войну и казарму, какъ школу войны, онъ стремился обойти или сократить единственную для себя возможность приобрѣсти физическую квалификацію — на военной службѣ. Лишь офицерство получало иную школу, и потому лишь одно оно оказалось способнымъ вооруженной рукой защищать свой національный идеаль въ эпоху гражданской войны. Масса російской интеллигенціи тучнѣла или тощала въ четырехъ стѣнахъ кабинетовъ — обреченный на закланіе, убойный скотъ революціи.

Еще болѣе опаснымъ, чѣмъ презрѣніе къ черному труду, было презрѣніе къ хозяйству. И это черта чисто дворянская. Дворянство видѣло въ своихъ вотчинахъ чистую обузу; изъ раззорительныхъ опытовъ рациональнаго хозяйства выносило лишь отвращеніе къ этому грязному дѣлу. Земля, отданная въ аренду или управляемая завѣдомыми ворами-приказчиками, не могла быть источникомъ хозяйственной этики. Промышленность, торговля были удѣломъ черной кости. Въ торговлѣ дворянство всегда чуюло нѣчто низкое. И это аристократическое презрѣніе ранье къ купцу разорившееся дворянство сумѣло влить съ молокомъ матери въ своихъ блудныхъ дѣтей. Повальный социализмъ русской, по началу дворянской интеллигенціи въ значительной мѣрѣ классоваго происхожденія, наряду съ княжескимъ анархизмомъ Кропоткина и Толстого. Противъ социалистической критики въ русскомъ сознаніи не нашлось ни одной нравственной или бытовой реакціи въ защиту свободнаго хозяйства. Крестьянство неустанно, путемъ величайшаго напряженія, вырабатывавшее изъ своихъ нѣдръ трудовую буржуазію, никогда не могло бы понять интеллигентскаго отрицанія хозяйства. Для него социальная проблема сводилась къ изъятію земли изъ нехозяйственныхъ барскихъ рукъ. Въ непониманіи смысла хозяйства дворянская интеллигенція сходилась съ пролетаріатомъ, да развѣ еще съ выбитыми съ земли бродячими элементами крестьянскаго міра.

Интеллигенція не имѣла классовъ, на которые могла бы

опереться. Не замѣтивъ растущей буржуазіи, она не пустила корней и въ народныхъ массахъ. Ведя борьбу съ дворянствомъ, она раздѣляла его слабости, его предрасудки. Она могла бы завладѣть государствомъ, ставъ надъ классами. Въ Россіи внѣклассовая государственность вовсе не утопія. Но для этого нужно было уважать государство, имѣть вкусъ къ власти. Если бы огромная численно русская интеллигенція въ эпоху разложенія сословно чиновничьяго строя объединилась на опредѣленномъ завоеваніи государственной власти, это предпріятіе не было бы безнадежнымъ: слишкомъ слабы были руки, державшія власть. Въ странахъ революціоннаго Востока — Турціи, Китаѣ, въ Россіи XVIII вѣка возможна диктатура интеллигенціи, кущей національное сознание. Тамъ смыслъ диктатуры — просвѣщеніе, а упрощенность просвѣщенія допускаетъ широкія національныя партіи. Русская политически-активная интеллигенція XIX вѣка жила въ сектантскомъ подпольѣ. Дробленіе интеллигенціи приводило къ дробности политическихъ партій, большинство которыхъ при этомъ боялось политической отвѣтственности.

Въ этомъ трагическомъ тупикѣ оставалась еще одна возможность: захватъ власти какой-либо интеллигентской сектой. Въ семидесятые годы нѣкоторыя воинствующія секты изъявляли притязаніе на власть. Но въ то время охранительныя силы страны еще не изсякли. Позже, либерально-демократическое содержаніе политическихъ идеаловъ дѣлало самую идею диктатуры неприемлемой для интеллигенціи. Ея сектантская строгость и идейный динамизмъ постепенно вывѣтривались. Изъ сектантскихъ теченій послѣ 1905 года сохранился лишь большевизмъ. Онъ же оказался единственной сектой, стремящейся къ государственной диктатурѣ. Вотъ почему нелюбимый интеллигенціей и ненавидящій ее, большевизмъ одинъ имѣлъ нѣкоторые шансы. Но его диктатура означала гибель интеллигенціи.

5. Буржуазія.

Есть одинъ фактъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія — поразительный и необъяснимый, если его разсматривать по западно-европейской схемѣ. Въ этомъ движеніи не участвуетъ третье сословіе, буржуазія, торгово-

промышленный классъ. Революція, которая ставитъ своей цѣлью разрушеніе дворянскаго строя, начинается съ дворянскаго заговора декабристовъ и до конца окрашивается въ цвѣта дворянской интеллигенціи. Купечество и мѣщанство неизмѣнно остаются силой консервативной. «Темное царство», «чумазый», «кулакъ», «охотнорядецъ», «чернат сотня» — вся позорящая ономастика русской контръ-революціи совпадаетъ съ сословными кличками купечества. Многіе уже забыли, что «черная сотня», по происхожденію самого слова, связана не съ чернымъ цвѣтомъ зла, а съ низовыми, торгово-демократическими организаціями старой Москвы. И это не только ономастика. Охотнорядцы, дѣйствительно, били студентовъ въ 1905 г. — и при томъ во всѣхъ городахъ Россіи. Чайныя Союза русскаго народа, дѣйствительно, были базарными, «черными», демократическими притонами, возглавляемыми обычно какимъ-нибудь толстосумомъ. Въ презрѣннн, съ которымъ интеллигенція относилась къ «черной сотнѣ», всегда слышался обертономъ брезгливости къ плебсу, къ грубой и дикой «черной кости». У интеллигенціи, борющейся въ городскихъ самоуправленіяхъ за либеральную и демократическую политику, у провинціальной прессы — не было злѣйшаго врага, чѣмъ мѣстное купечество, корыстные и невѣжественные «отцы города».

И однако, марксисты, увѣренные въ буржуазномъ характерѣ грядущей революціи, отвели буржуазіи въ ней красный уголь. Они напрасно дожидались почетнаго гостя. Революціонный пиръ, очевидно, не прельщаль русскаго купечества, привыкшаго къ инымъ яствамъ. Когда пришла революція, буржуазія сыграла въ ней лишь страдательную роль. Она дала свое злосчастное имя, какъ позорное клеймо, для всей коалиціи погибающихъ классовъ. Князя Рюриковой крови и революціонные социалисты, какъ представители «буржуевъ», гибли въ подвалахъ Че-Ка.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы буржуазія была твердымъ оплотомъ режима. Этому мѣшало, прежде всего, ея антиобщественное воспитаніе. Какъ сословіе казнокрадцовъ, она была силой разлагающей не менѣе дореформенной бюрократіи взяточниковъ. Интеллигентское отвращеніе къ профессиональному купеческому быту, нужно признать, имѣло нѣкоторыя бытовыя основанія. Когда поэтъ Блокъ хотѣлъ съ максимальной силой воплотить идею

зла въ старой Россіи, онъ не могъ найти для этого лучшаго образа, чѣмъ лавочникъ его страшнаго «Грѣшить безстыдно»... Поэтъ правъ. Ниже этого икающаго благочестія нельзя опуститься по ступенямъ человѣческаго паденія. Рядомъ съ «кондовой», «толстозадой» Русью двѣнадцать красногвардейскихъ хулигановъ несутъ какое-то освобожденіе. Хотя бы освобожденіе смерти.

Вопросъ лишь вотъ въ чемъ: исчерпывается ли «темнымъ царствомъ» характерологія русскаго торгово-промышленнаго класса? Вопросъ, который пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что классъ этотъ, въ противоположность остальнымъ классамъ старой Россіи, не погибъ въ революціи. Вырѣзываемый и удушаемый, онъ каждый день возрождается къ жизни и, несомнѣнно, призванъ строить будущую Россію.

Печальная моральная фізіономія и еще болѣе печальная репутація этого класса въ Россіи 18 и 19 вѣка вызываетъ въ памяти его великое прошлое.

Славянофильское и народническое воспріятіе древней Руси не отдаетъ достаточнаго отчета въ томъ огромномъ вкладѣ въ русскую культуру, который внесъ купеческій духъ. Иностранцы поражались, въ 16 и 17 в. в., коммерческимъ способностямъ русскихъ и ихъ страсти къ торговлѣ. Ярославецъ, нижегородецъ по сіе время сохранили въ своемъ областномъ характерѣ эти нѣкогда національныя черты. На торговлѣ держалась вся Кіевская Русь. Торговля создала Великій Новгородъ — не городъ, а великое сѣверное государство, охватившее половину русскихъ земель. Съ отмираніемъ южныхъ очаговъ культуры и старыхъ Ростово-Суздальскихъ, Новгородъ дѣлается главнымъ выразителемъ русской культурной идеи: прежде всего, въ искусствѣ. Военно-служилая Москва, сломивъ Новгородъ, заглушивъ городскую жизнь Сѣвера, и въ 17 в. сохраняетъ еще купеческій размахъ и предпримчивость. Минины (сѣверное ополченіе) спасли Россію въ годы смуты, и еще при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ голосъ слышится во дворцѣ. «Земская Русь» это прежде всего посадская, торговая Русь. Именно эти слои сообщаютъ земскую окраску соборамъ. Еще Петръ опирается въ своихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ на инициативу стараго купечества. Лишь 18 вѣкъ глубоко принизилъ древнее почетное сословіе. Отчужденное отъ европейской культуры, оно оказалось лишеннымъ права на общественное, т. е. дво-

рянское уваженіе. Оторванность отъ государственнаго дѣла вызывала неизбѣжно гражданскій декадансъ, изсмѣланіе, личную и хищническую направленность интересовъ.

И однако, вѣрность старо-московскимъ церковнымъ традиціямъ, отторгая классъ отъ новой общественности, сохранила въ немъ драгоцѣнное качество: строгость аскетическаго закала, трудовую дисциплину, національное чувство. Старая личная этика могла, какъ часто на Руси, совмѣщаться съ общественной безпринципностью. Неуваженіе къ профессіи подрываетъ профессиональную этику. Прекрасный семьянинъ, набожный церковникъ могъ быть воромъ, столь же мало стыдясь этого, какъ старый чиновникъ — взятки. Къ тому же чиновничья коррупція была зачастую источникомъ коррупции купеческой. При слабости торговой предприимчивости въ 18, въ началѣ 19 вѣка, главный источникъ образованія капиталовъ — эксплоатація государства. Наиболѣе замѣтный типъ среди торгово-промышленнаго класса — подрядчикъ, кабатчикъ, откупщикъ. Но въ этой области особенно велики искушенія, ослабленъ какъ разъ творческій моментъ предприимчивости. Впрочемъ, и въ эту эпоху встрѣчается строгое отношеніе къ дѣловой этикѣ — гораздо чаще, чѣмъ это кажется съ дворянскихъ верховъ. Не по Островскому, а по Лѣскову надо изучать купеческій бытъ. Островскій—сатирикъ переломной эпохи. Проникновеніе передовыхъ, т. е. капиталистическихъ идей въ патриархальную среду, не можетъ не вызывать на первыхъ порахъ явленіе имморализма. Крѣпче, строже другихъ оставались старообрядческіе слои купечества, закаленные въ гоненіяхъ, въ борьбѣ за вѣру, поставленные на мѣсто былого боярства во главѣ подпольной старой Руси.

Освобожденіе крестьянъ дало мощный толчекъ долго скованной хозяйственной энергіи народа. Деревня сразу же выдѣляетъ энергичный слой «кулаковъ», предпринимателей, скупщиковъ дворянской земли, основывающихъ торговля предприятия. Эта новая буржуазія подготавливалась задолго въ оброчныхъ формахъ крѣпостной зависимости. Мобилизація дворянскихъ земель, желѣзнодорожное строительство вызвали горячку ажіотажа, создавали огромныя богатства, нерѣдко дутыя и грюндерскія предприятия. 60-е годы — первая волна русскаго капитализма, очень нездороваго и хищническаго. Банковскіе судебные

процессы и сатира Некрасова отразили эту пиратскую эпоху «первоначального накопленія».

Но за ней идетъ въ 80-хъ годахъ волна промышленнаго расцвѣта. Капиталы приливаютъ въ текстильную индустрію, создавая мощный центрально-промышленный районъ. И здѣсь коренное московское старообрядчество сохраняетъ гегемонію, какъ и на Волгѣ, Камѣ, Уралѣ. Ростъ хозяйственной энергии и капиталовъ продолжается безпрерывно, постепенно мѣняя социальную фізіономію страны.

Въ 80-ые и 90-ые — чеховскіе — годы единственнымъ представителемъ русской силы и предприимчивости былъ русскій купецъ. Это часто грубая, жестокая сила, — но она спасала націю на фонѣ дворянской атоніи. Горькій-босякъ, ненавидѣвшій мѣщанство, — далъ трагическіе образы этой стихійной силы, разрушительной въ слѣпотѣ своей борьбы за освобожденіе. Имморализмъ все еще отмѣчаетъ успѣхи новаго господина жизни. Народная память и литература отражаютъ темное, нерѣдко преступное происхожденіе недавнихъ богатствъ. Обобралъ хозяина, казну, а то и зарѣзалъ кого-нибудь темной ночью, — эти зловѣщія легенды плетутся по Руси за многими изъ миллионщиковъ и отцовъ города. Но и для такой карьеры недостаточно дерзости и счастья. Яркая талантливость окрашиваетъ социальное восхожденіе новыхъ людей. Они стоятъ художественныхъ біографій, они еще ждутъ своего Плутарха.

На фонѣ, стараго, удушливаго, скарднаго быта, творится сказка изъ міра кондотьеровъ, завоевателей Россіи. Для полноты аналогіи московскіе Медичи превращаются въ меценатовъ. Уже въ 80-ые годы Мамонтовъ окружаетъ себя художниками, создаетъ оперу, подмосковную усадьбу свою превращаетъ въ памятникъ-музей русской художественной культуры. За нимъ идутъ другіе: Третьяковы, Морозовы, Рябушинскіе, собиратели картинъ, основатели театровъ, клиникъ, журналовъ. Съ начала 20 вѣка Москва начинаетъ явно претендовать на культурное первенство передъ Петровской столицей. И всѣмъ своимъ цвѣтеніемъ она обязана новымъ хозяевамъ жизни. Вкладъ торгово-промышленнаго класса въ русскую культуру обгоняетъ не только вкладъ дворянства, но даже государственную инициативу. Для интеллигенціи находятся новые

организаторы ея творчества, которые дают нерѣдко изъ своихъ рядовъ и первоклассныхъ культурныхъ дѣятелей. Провинція отстаетъ отъ Москвы, но Пермь, Сибирь уже шлютъ новыхъ людей.

Купеческое меценатство — явленіе настолько недавнее въ русской жизни, что интеллигенція не успѣла приспособиться къ нему, не успѣла какъ будто замѣтить его. Менѣе всего — революціонная интеллигенція. Впрочемъ, для нея имѣлось нѣкоторое оправданіе. Политическое пробужденіе русской буржуазіи значительно отставало отъ ея культурнаго роста. Новая сила не предъявляла никакихъ притязаній на власть. Давно уже голосъ торгово-промышленнаго класса звучалъ на съѣздахъ, но всегда въ разрѣзъ съ голосомъ русской «общественности». вмѣсто свободъ онъ требовалъ отъ государства покровительственныхъ тарифовъ. Протекціонизмъ былъ, конечно, необходимой теплицей для русской промышленности, но въ его банной температурѣ атрофировалась политическая воля. Пока государство было дойной коровой, промышленники охотно мирились съ безвластіемъ. Ихъ уголь въ избѣ былъ невидный, но теплый. Однако, проблема деревенскаго рынка вводила русскаго предпринимателя въ курсъ роковыхъ вопросовъ русской жизни. Постепенно верхи класса втягиваются въ колею либеральной оппозиціи. Путь политическаго радикализма былъ заранѣе отрѣзанъ тѣмъ социалистическимъ характеромъ, который приняло русское революціонное движеніе. Съ рабочими шутки плохи. Въ 1905 году фабриканты, случалось, заигрывали съ лѣвыми партіями. Не одинъ Морозовъ давалъ деньги на большевиковъ. Но забастовки были слишкомъ раззорительны. Призракъ диктатуры пролетаріата и крестьянства не улыбался. Оставалась средняя тропа октябризма, для многихъ — партія к.-д.

Между 1905 и 1914 г. умѣренный либерализмъ, опредѣляющій настроеніе двухъ послѣднихъ Думъ, носитъ замѣтный буржуазный отпечатокъ. Онъ стремится договориться съ бюрократіей, найти мирный выходъ изъ политическаго тупика. Но онъ не создаетъ до конца яркихъ политическихъ дѣятелей. Политика его тускла, совершенно не соответствуетъ размаху хозяйственной и культурной работы буржуазіи. Прошлое тяготѣло надъ ней, принося ея молодое, неувѣренное честолюбіе. Наиболѣе яр-

кіе ея политики не носять характера своего класса. Они усвоили замашки дворянскаго либерализма.

Поразительно, что дворянскій декадансъ просачивается и сюда. Черезъ ту же школу, черезъ обще-интеллигентскую традицію молодой наслѣдникъ стараго дома уже отравляется дворянскимъ ядомъ. Потеря вкуса къ наслѣдственной хозяйственной работѣ и уваженія къ ней — прямое и роковое послѣдствіе этихъ дворянско-интеллигентскихъ вліяній. Самое меценатство иногда носить опасный характеръ. Оно еще почвенно, здорово, почтенно до начала 20 вѣка. Въ новомъ столѣтїи разлагающія эстетическія вліянія покоряють золотую молодежь Москвы. Сыновья патриархальныхъ старовѣровъ кутяють не только съ цыганами у Яра, но и въ артистическихъ кабарэ, вливая съ шампанскимъ сладкій, трупный ядь стиховъ. Эта атмосфера утопченнаго имморализма приводитъ къ необъяснимымъ самоубійствамъ. *Tedium vitae*, болѣзнь снобовъ, и здѣсь косить свои жертвы. Становится страшно, когда думаешь о ломкости древней и мощной породы. Вѣка труда, самоотреченія и борьбы воспитывали кунеческій родъ. Дѣдъ еще былъ начетчикомъ, держаль домъ по Домострою, лишь изрѣдка наняливая на свои могучія плечи европейскій сюртукъ. Сынъ — просвѣщенный либераль, учился въ Англіи, ведетъ рациональное производство. Внукъ прожигаетъ жизнь по кабакамъ, среди мертвыхъ эстетовъ, и умираетъ отъ тоски и пустоты жизни.

Не будемъ обобщать этихъ явленій. Они показательны, но не всеобщи. Это недугъ быстрой ломки нравственныхъ устоевъ, рѣзкой европеизаціи, опустошающей религиознымъ и моральнымъ нигилизмомъ даже сильную, но дурно воспитанную, незащищенную личность. Приспособленіе было вопросомъ времени. Тема новой буржуазной Москвы была общающею, богатой темой, несущей обновленіе русской жизни. Но она не успѣла получить своего развитія и была жестоко оборвана. Бродильный процессъ въ русскомъ крестьянскомъ тѣстѣ только что начался. Новая, выдвигаемая народомъ промышленная аристократія не успѣла организовать народной жизни, получить признание, не успѣла даже освободиться отъ дворянскихъ вліяній. Ростъ молодого класса протекаль въ критическихъ болѣзняхъ двойного имморализма: первоначальнаго накопленія и скороспѣлаго декадентства. Народъ, порождающій изъ своей среды буржуазію, не научился уважать ее.

Болѣе близкая ему, чѣмъ дворянство и интеллигенція, она вызывала его зависть; поскольку же пріобрѣтала интеллигентскій обликъ, раздѣляла судьбу господъ. Захваченная врасплохъ революціей, она утонула въ ней, не сумѣвъ овладѣть ею, пала жертвой не столько своихъ, сколько чужихъ грѣховъ.

6. Народъ.

Въ русской соціальной терминологіи «народъ» (какъ и «интеллигенція») значитъ безконечно больше, чѣмъ въ любомъ европейскомъ языкѣ. За крестьянствомъ, за трудящимися классами, даже за «землей», это слово ознаменовываетъ всю Русь, оставшуюся чуждой европейской культурѣ. Это «черная», «темная», соціально деградировавшая, но морально крѣпкая Русь, живущая въ понятіяхъ и бытѣ 17 вѣка. Это базисъ, на которомъ высятся колонна Имперіи, почва, на которой произрастаютъ ея сады. Не только народничество русское, но и всѣ консервативныя направленія русской мысли сохраняютъ сознаніе, что въ этой почвѣ коренятся моральные устои Россіи. Власть, интеллигенція, просвѣщеніе сами по себѣ безсильны пробудить живительные родники національной жизни; они способны лишь культивировать, организовать ее. Народничество заблуждалось, связывая свое вѣрное ощущеніе моральныхъ началъ народной жизни съ фактомъ земледѣльческаго труда. Славянофилы точнѣ опредѣляли ихъ, какъ храненіе древней, религіозной и національной культуры. Въ эгомъ смыслѣ понятіе народа выходило за предѣлы крестьянства, обнимая слои городского мѣщанства, купечества, связаннаго со старымъ бытомъ, и духовенства, особенно сельскаго.

Разумѣется, всѣ эти слои тонуть въ сѣромъ морѣ крестьянства. Кромѣ Россіи, не было ни одной страны, консервативныя силы которой въ такой мѣрѣ питались бы крестьянской правдой и крестьянской косностью. Чѣмъ сильнѣ заболѣвала свѣтобоязнь власть, тѣмъ опредѣленнѣе дѣлала она ставку на крестьянскую темноту. Бѣда власти была лишь въ томъ, что потребности государства (арміи) заставляли ее, скрѣпя сердце, дозировать народное просвѣщеніе, которое — она видѣла ясно — разлагало устои народной жизни. Мы уже говорили, почему монархія въ Россіи могла погибнуть отъ просвѣщенія.

Но было и другое коренное противорѣчіе въ отношеніяхъ власти и народа. Консервативный религіозно-политически, народъ т. е. крестьянство, не былъ благонадеженъ соціально. Имперія жила въ теченіе двухъ вѣковъ подъ судороги крестьянскихъ бунтовъ. Это былъ нормальный ритмъ русской жизни, къ которому государственные люди привыкли, какъ привыкають къ дымку Везувія жители деревень на его склонахъ.

Мы очень мало знаемъ о народѣ, его жизни, его затененныхъ мысляхъ — до 19 вѣка, когда русская интеллигенція начала жадно приглядываться и прислушиваться къ нему. Повидимому, мы все же имѣемъ право сказать: русский народъ въ глубинѣ своей совѣсти никогда не принималъ крѣпостного права. Онъ могъ временно съ нимъ мириться, онъ покорялся Божьей и царской волѣ, которая судила ему жить въ рабствѣ, но морально это рабство не было для него оправдано. Фактъ удивительный, принимая во вниманіе суровость семейныхъ и государственныхъ формъ, къ которымъ привыкъ московскій человѣкъ. Но крѣпостное право было слишкомъ новымъ явленіемъ русской жизни. Оно не имѣло за собой тысячелѣтняго прошлаго, которое на Западѣ приковывало поколѣнія сервовъ къ ихъ суровымъ сеньерамъ связью плѣдственной вѣрности, гдѣ вѣрность землѣ сливалась съ вѣрностью господину. Въ Россіи при текучести населенія, особенно на новыхъ мѣстахъ колонизаціи, эти личныя связи не успѣли еще закрѣпиться, когда государство фиксировало ихъ. Личный моментъ въ отношеніяхъ подвластныхъ къ владѣльцамъ былъ очень слабъ сравнительно съ публично-правовымъ. И, что особенно важно, тяжесть зависимости, переходящей въ рабство, все усиливалась къ исходу 18 вѣка, когда личная связь ослабѣвала окончательно, подрѣзанная сословнымъ строеніемъ новой культуры.

Если крестьянинъ и видѣлъ когда-нибудь въ московскомъ помѣщикѣ своего соціальнаго вождя и защитника (и это сомнительно), то онъ не могъ признать его въ полунѣмцѣ, отрешенномъ отъ родныхъ обычаевъ, одежды, рѣчи, нерѣдко даже отъ Бога. Естественная соціальная рознь обострялась рознью національной. Народъ относился къ дворянству почти такъ же, какъ онъ относится къ польской шляхтѣ тамъ, гдѣ онъ подпалъ подъ чужеземное иго.

Оригинальнѣе всего было то, что народъ всегда сохранялъ убѣжденіе въ своемъ правѣ на помѣщичью землю. Говорила ли въ немъ старая память о государственномъ происхожденіи дворянскаго помѣстья? Исходилъ ли онъ изъ соціальной идеи самодержавія, идеи царя, которому принадлежитъ вся земля, который даетъ и отнимаетъ ее по своей волѣ? По мѣрѣ того, какъ дворянство снимало съ себя соціальныя функціи, крестьянство дѣлало свои выводы. Оно привыкло видѣть въ баринѣ паразита. Въ сущности, воинская повинность, легшая на крестьянъ въ 18 вѣкѣ, уже уничтожила дворянское право на землю, какъ плату за кровь.

Раздѣлъ земли между крестьянствомъ и дворянствомъ во время освобожденія, былъ воспринятъ первымъ, какъ тяжелая несправедливость. Уже тогда оно предъявило притязанія на всю землю. Это требованіе вытескало не изъ экономической нужды, а изъ сознанія права, — своеобразнаго права. Какъ ни странно, по освобожденіи крестьянъ нанесло первый ударъ монархическому чувству крестьянства. Оно же положило начало разложенію тѣхъ духовныхъ основъ, на которыхъ держалась старая мужицкая вѣрность.

Со времени эмансипаціи медленно, но неизмѣнно начинается крошиться тотъ гранитный массивъ, на которомъ стояла имперія. Пока сила инерціи держала могучій комплексъ консервативныхъ чувствъ въ душѣ крестьянства, расшатанность и разбродъ среди правящихъ классовъ были не опасны. «Россія управляется случаемъ и держится силою тяжести», замѣтилъ одинъ умный дипломатъ при петербургскомъ дворѣ начала XIX вѣка. 19 февраля вывело страну изъ равновѣсія. Начался процессъ броженія, не прекращающійся до дней революціи. Крестьянство расплзлось по лицу Россіи въ поискахъ земли и заработковъ. Постоянное паденіе сельскаго хозяйства обостряло извѣчный голодъ по землѣ. Освобожденіе создавало прецедентъ для чернаго передѣла. Борьба за землю ставила крестьянство съ официальной Россіей, которая держалась лишь именемъ царя. Къ ней не было уваженія, а съ ослабленіемъ режима, убывалъ и страхъ. Школа, городъ, казарма, желѣзная дорога стихійно разлагали основы крестьянскаго міровоззрѣнія. На поверхности это бы-

до незамѣтно: мужикъ не читалъ, не разсуждалъ. Но онъ терялъ вѣру, уходилъ въ себя, хитрилъ и ждалъ.

Думается, что огромная разница въ воспріятіи крестьянской стихіи у Тургенева и Некрасова, съ одной стороны, и Чехова, съ другой, связана не только съ измѣнившимся сознаниемъ интеллигенціи, но и съ эволюціей самого крестьянства. Комплексъ благоговѣйныхъ чувствъ рассыпался. Остался практической матеріализмъ и послѣдовательное недовѣріе. Это еще не нигилизмъ, но начало духовнаго омертвѣнія. Изъ всѣхъ соціальныхъ инстинктовъ болѣзненно разбухаетъ инстинктъ зависти.

Несмотря на полвѣка, протекшіе со дня освобожденія, реминисценціями рабства была проникнута вся русская жизнь. Есть двѣ мѣрки, два свода приличій для господъ и для простонародья. При официальномъ гражданскомъ равенствѣ въ судѣ и управленіи — какая разница въ языкѣ, въ обращеніи! Въ участкѣ околоточный рассыпается въ любезностяхъ передъ дворяниномъ и гонитъ въ шею, — совсѣмъ не фигурально, — мужика. Мужикъ не обижается на «ты», на грубую брань, но уже съ неудовольствиемъ переноситъ побои. Онъ возмущается собственно, не грубостью, которой пролитанъ и его собственнй бытъ, но бытовымъ неравенствомъ. Съ нимъ онъ встрѣчается на каждомъ шагу: въ приемныхъ канцелярій, на желѣзной дорогѣ, — особенно въ казармѣ. Это неравенство оскорбляетъ его потому, что общественная іерархія лишена въ его глазахъ благообразія. Бытъ господъ, ихъ идеаль красоты и жизни для него отвратителенъ. Вотъ почему эти мелкіе уколы, отъ которыхъ постоянно страдаетъ его чувство достоинства (а въ немъ много самаго подлиннаго, аристократическаго достоинства!) будятъ въ немъ темныя воспоминанія. И понынѣ еще въ русскихъ деревняхъ живы дряхлые старцы, которые помнятъ время рабства. И не изъ книгъ, а по устнымъ преданіямъ повторяется злая повѣсть о томъ, «какъ насъ на собакъ мѣняли» или «какъ травили медвѣдями нашихъ дѣтей». Народъ еще не забылъ и не простилъ старыхъ обидъ, оживляемыхъ новыми ранами.

Переживаніе крѣпостническихъ навыковъ среди правящихъ классовъ, не замѣчавшихъ сдвига въ народной душѣ, или думавшихъ справиться съ ними классической розгой, являлось при этихъ условіяхъ серьезной угрозой. И вотъ — уже въ 20 столѣтіи — наступаетъ пора, когда му-

жикъ ощущаетъ губернаторскую порку, какъ оскорбленіе, и думаетъ о мести. Въ этотъ моментъ онъ впервые становится воспримчивъ къ революціонной пропагандѣ.

Здѣсь происходитъ, наконецъ, долгожданная встрѣча народа и интеллигенціи. Доселѣ всѣ ея героическія усилія пробить стѣну народнаго непониманія оканчивались неудачей, для нея трагической. Десятки лѣтъ народъ видѣлъ своихъ людей въ жандармахъ и сыщикахъ, ловившихъ социалистовъ, и отвращался отъ послѣднихъ съ религіознымъ ужасомъ. Соціальное отчужденіе питалось дворянскимъ происхожденіемъ и стилемъ интеллигенціи. Передъ этимъ блѣднѣетъ даже чуждость проповѣдусмой, анти-монархической, доктрины. Крестьянинъ видѣлъ передъ собою непонятное, бозпомощное существо, которое претендовало учить его, но вызывало его презрѣніе. Оно было одѣто по господски, говорило барскимъ языкомъ и, хотя чѣмъ-то несомнѣнно отличалось отъ настоящаго господъ, но для народа не было возможности входить въ разбирательство оттѣнковъ во вражескомъ станѣ. Интеллигентъ всегда былъ для мужика бариномъ, пока въ одинъ прекрасный день не былъ перекрещенъ въ буржуя.

Разумѣется, за всѣми частными поводами для недоброжелательства зіяла все та же пропасть, разверзшаяся съ Петра. Интеллигенція, какъ дворянское дѣтище, осталась на той сторонѣ, нѣмецкой, безбожной, едва ли не поганой. Барину-крѣпостнику, принципиальному консерватору было даже легче пробиться къ мужицкому пониманію, чѣмъ революціонеру. Богъ и царь создавали общую почву — до конца прошлаго столѣтія. Конечно, мужикъ не вѣрилъ въ искренность барскаго монархизма, подозрѣвая въ немъ обманныя и захватническія поползновенія. Но просвѣтителей-радикаловъ онъ окончателно не понималъ.

Въ японскую войну завершился распадъ монархической, отчасти религіозной идеи народа. На мгновеніе интеллигенція нашла въ крестьянствѣ себѣ союзника. «Земля и Воля» соединяла ихъ въ двусмысленномъ компромиссѣ: одному земля, другому воля. Но вѣковое недоверіе не было изжито. На мѣсто разрушенныхъ боговъ въ народной душѣ не встали новые. Народъ вступилъ въ полосу своего нигилизма, еще неизжитаго. Колей-неволей народъ передовѣрялъ интеллигенціи свой политическій голосъ: трудовикамъ, эсерамъ, даже эсдекамъ. Но, подозрѣвая обманъ, держалъ камень за пазухой.

Въ реакціонной пропагандѣ роль посредника между интеллигенціей и народомъ достается рабочему. Молодой, численно слабый классъ, пролетаріатъ сыгралъ въ судьбахъ Россіи огромную, хотя чисто отрицательную роль. Его значеніе соотвѣтствуетъ значенію города въ крестьянской странѣ. Городъ всегда ведетъ деревню, и удѣльный вѣсъ горожанина можетъ въ десять разъ превосходить удѣльный вѣсъ сельскаго обывателя. У насъ пролетаріатъ еще не порвалъ связи съ деревней, и какъ ни свысока относился крестьянинъ къ фабричному, онъ поневолѣ заимствовалъ отъ него то, чего не сталъ бы и слушать отъ интеллигента. Почему городской пролетаріатъ неминуемо долженъ былъ сдѣлаться носителемъ революціи, это не требуетъ объясненій. Его духовная беспочвенность, безжалостная эксплуатація его труда, безпросвѣтное существованіе заставляли жадно мечтать о переворотѣ. Ему подлинно нечего было терять. Въ революцію русской рабочій вложилъ свое пониманіе справедливости (которое не все сводилось къ классовой зависти), и для нея принесъ за 20 лѣтъ немало жертвъ, геройствуя не хуже студентовъ: на эшафотѣ, въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Въ 1905 г. этотъ союзъ революціонной интеллигенціи, пролетаріата и крестьянства былъ уже совершившимся фактомъ. Схема русской революціи была дана -- вплоть до идеи совѣтовъ.

Совершенно условно и приблизительно рабочій и крестьянинъ шли за соціалистическими партіями с.-д. и с.-р. Просто потому, что первые во главу угла ставили пролетарія, вторые — мужика. Но если для рабочихъ социализмъ, въ самомъ туманномъ пониманіи, былъ, дѣйствительно, краснымъ цвѣткомъ, освѣщающимъ жизнь и борьбу, то для крестьянина это было пустое слово. Съ с.-р. у него было общимъ требованіе земли. Когда ему говорили о волѣ, онъ не противорѣчилъ, когда говорили о социализмѣ, — молчалъ. Соціализацію земли переводилъ на языкъ общинныхъ распоряжковъ. Любая партія, написавшая въ своей программѣ ликвидацію помѣщичьяго землевладѣнія, могла бы рассчитывать на поддержку крестьянства. При наличіи данныхъ (связанныхъ съ интеллигентской традиціей) партій, крестьянство числилось въ с.-р. ахъ по недоразумѣнію.

Недоразумѣній было достаточно и съ рабочими. Экономическія основы марксизма, на которыхъ съ такимъ талмудическимъ начетничествомъ настаивали пропаганди-

сты, съ трудомъ влѣзали въ голову пролетарія. Бланкизмъ или бакунизмъ, вѣроятно, болѣе соответствовали бы его природѣ и умственному уровню. Его выступленія въ рядахъ социалдемократіи были тоже «псевдоморфозой», хотя и не столь причудливой, какъ крестьянскій социализмъ. 1917 годъ разоблачила и тотъ и другой маскарадъ.

7. Новая демократія.

Пролетаріатъ и крестьянство были огромной силой въ русской революціи, но силой чисто разрушительной. Не имъ было организовать революцію. Не имъ, но и не старой интеллигенціи, которая руководила движеніемъ въ теченіе полувѣка. Съ 1906 г. интеллигенція постепенно сходитъ съ революціонной сцены. Оставленная ею брешь заполняется новыми людьми, — можно сказать, новымъ классомъ. Ему не повезло, этому классу. Его не замѣтили въ моментъ рожденія. Увидѣли и испугались, когда онъ уже пришелъ къ власти и отнесли его за счетъ большевистской революціи. Насколько помнится, только пронизательный К. Чуковский въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ отмѣтилъ появленіе чуждой, страшной силы — «битнеровцевъ» — и забилъ тревогу. Эту силу можно было бы назвать новой интеллигенціей. Мы предпочитаемъ называть ее новой демократіей.

Есть демократія убѣжденій и есть демократія быта. Съ начала 20 вѣка Россія демократизуется съ чрезвычайной быстротой. Мѣняется самый характеръ улицы. Чиновничья-учащаяся Россія начинаетъ давать мѣсто иной, плохо одѣтой, дурно воспитанной толпѣ. На городскихъ бульварахъ по вечерамъ гуляютъ толпы молодежи въ косовороткахъ и пиджакахъ съ барышнями, одѣтыми по модному, но явно не бывавшими въ гимназіяхъ. Луцать сѣмечки, обмѣниваются любезностями. Стараются соблюдать тонъ и ужасно фальшивятъ. Барыни-чиновницы въ ужасъ, что прислуга дерзить и носить шляпку. Несомнѣнно, прислуга — вчера полу-крѣпостная превращается въ барышню. Она уже требуетъ, чтобы ее такъ называли. Около 1905 г. это уравнительное, европейское «барышня» (*Fräulein, demoiselle*) входитъ въ разговорный языкъ, означая огромную культурную революцію. Мужика еще никто не называетъ господиномъ, или гражданиномъ, но

женщина (дѣвушка) первая завоевываетъ гражданское равноправіе.

Приглядимся къ ея кавалерамъ. Иногда это чеховскій телеграфистъ или писарь, иногда парикмахеръ, приказчикъ, рѣже рабочій или студентъ, спускающійся въ народъ. Профессія новыхъ людей бываетъ иногда удивительной: банщикъ, портной, цирковый артистъ, парикмахеръ сыграли большую роль въ коммунистической революціи, чѣмъ фабричный рабочій. Разумѣется, съ этимъ разночинствомъ сливается и выдѣляемый пролетариатомъ верхній слой, отрывающійся отъ станка, но не переходящій въ ряды интеллигенціи. Сюда шлетъ уже и деревня свою честолюбивую молодежь. Могучъ этотъ напоръ, идущій съ самаго дна. Въ концѣ прошлаго вѣка босяки появляються въ литературѣ не только въ качествѣ темы, но и авторовъ. Съ Максима Горькаго можно датировать рожденіе новой демократіи, съ Шаляпинымъ она даетъ Россіи своего гения. Горькій и Шаляпинъ десятилѣтіями варились въ интеллигентскомъ котлѣ, въ общеніи съ цвѣтомъ русскаго культурнаго слоя. Несмотря на это, въ ихъ культурѣ остались такіе пробѣлы, и, главное, ихъ отношеніе къ жизни настолько необычайно для интеллигенціи, что она часто отказывается понимать ихъ.

Русская интеллигенція конца 19 вѣка была весьма демократична по своему происхожденію, но это не нарушало ея преемственной связи со старо-дворянской культурой. Связь эта, какъ мы видимъ, устанавливалась черезъ школу. Все отличіе новой демократіи отъ интеллигенціи въ томъ, что она не проходитъ черезъ среднюю школу, и это образуетъ между ними настоящій разрывъ. Новые люди — самоучки. Они сдаютъ на аттестатъ зрѣлости экстернами, проваливаясь изъ года въ годъ. Экстерны — это цѣлое сословіе въ старой Россіи. Экстерны могутъ обладать огромной начитанностью, но имъ всего труднѣе дается грамота. Они съ ошибками говорятъ по русски. Для нихъ существуютъ особые курсы, особые учителя. Для нихъ издають всевозможныя «библіотеки самообразования», питающія ихъ совершенно непереваримыми кирпичами въ невозможныхъ переводахъ. Это невѣроятная крошка изъ философіи, соціологіи, естествознанія, физики, литературы: *de omnibus rebus et quibusdam aliis*. Для нихъ издается «Вѣстникъ Знанія», самый распространенный журналъ въ Россіи, о которомъ настоящая ин-

теллигенція не имѣеть понятія. Никому не извѣстный Битнеръ дѣлается пророкомъ, вождемъ цѣлой арміи. Впервые въ русской литературѣ образуется особый нижній этажъ, плохо сообщающійся съ верхомъ. Многія теченія русской интеллигенціи — символизмъ, религіозная философія — внизъ не доходятъ вовсе. За то тамъ увлекаются эсперанто, вегетаріанствомъ, гимнастикой Мюллера. Среди новыхъ людей множество неудачныхъ изобрѣтателей и еще больше непризнанныхъ поэтовъ. Въ социалистическихъ партіяхъ они встрѣчаются съ интеллигенціей на равной ногѣ, пожалуй, преобладаютъ здѣсь послѣ крушенія первой революціи. Но было бы ошибочнымъ считать ихъ господствующее настроеніе революционнымъ. Среди нихъ попадаются яростные анти-соціалисты, ученики Леонтьева, мстящіе революціонерамъ за тайную классовую обиду.

Ибо настоящее, кровное ихъ чувство — ненависть къ интеллигенціи: зависть къ тѣмъ, кто пишетъ безъ орфографическихъ ошибокъ и знаетъ иностранные языки. Зависть, рождающаяся изъ сознанія умственного неравенства, сильнѣе всякой соціальной злобы. Соціалисты — они кричатъ о засилии въ партіи интеллигентовъ, литераторы — протестуютъ противъ редакторской корзины, художники — мечтаютъ о сожженіи Эрмитажа. Футуризмъ — въ соціальномъ смыслѣ — былъ отраженіемъ завоевательныхъ стремленій именно этой группы. Маяковскій показываетъ, какія огромныя и взрывчатыя силы здѣсь таятся.

Болѣе скромнѣе, мягко выражаясь, ихъ вкладъ въ науку. Но не надо забывать, что они уже до войны имѣли свой университетъ, созданный Бехтеревымъ въ Петербургѣ «Психо-неврологическій Институтъ». За страшнымъ его названіемъ скрывается еще болѣе странное содержаніе. Тамъ читали философію зырянинъ Жаковъ и Грузенбергъ. Тамъ было все свое, доморощенное — для экстерновъ, для полуграмотныхъ. Уже тогда, вращаясь среди этой молодежи, можно было представить себѣ, каковъ будетъ большевицкій университетъ.

Говорить о единствѣ міросозерцанія среди новаго слоя совершенно невозможно. Но, когда онъ примыкалъ къ революціи, обнаруживалось огромное различіе въ напразленности воли. Для интеллигенціи революція была жертвой, демократія — нисхожденіемъ. «Все для народа». Неродничество лежало безсознательно и въ марксистскомъ

преклоненіи передъ пролетаріатомъ. Новая демократія — сама народъ. Она стремится къ подъему, не къ нисхожденію. Она скорѣе презрительно относится къ массѣ, отсталой, тупой, покорной. Она хочетъ власти для себя, чтобы вести народъ. Она чужда сентиментальнаго отношенія къ нему. Чужда и аскетическаго отреченія. Большевику послѣдняго призыва не трудно промотать часть экспроприированныхъ для партіи денегъ, онъ цинически относится къ женщинѣ, хотя бы своему товарищу по партіи. Теоретическій имморализмъ Ленина находитъ въ немъ практическаго ученика. Въ 1910 г., примѣрно, изъ революціонныхъ партій въ Россіи фактически дѣйствовали, хотя и чрезвычайно слабо, почти однѣ большевицкія группы. Въ этихъ группахъ почти не было интеллигенціи, въ старомъ смыслѣ. За исключеніемъ рабочихъ, это были представители новой демократіи. Да и рабочіе, ставшіе профессиональными революціонерами, принадлежали къ той же социальной группѣ. Уже одно это обстоятельство необыкновенно повышаетъ ея удѣльный вѣсъ. Но въ партіи Ленина были, конечно, единицы. Массѣ новыхъ разночинцевъ пришлось дожидаться октября 1917 г., чтобы схватить столь долгожданную власть. Это они — люди Октября, строители новаго быта, идеологи пролеткультуры.

8. Партийная псевдоморфоза.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія — у марксистовъ догмата — что политическія партіи лишь отражаютъ интересы общественныхъ классовъ. Обслуживаніе классовыхъ интересовъ часто является условіемъ жизненности и почвенности партіи, но создается она и живетъ идеей. Идея — не всякая, конечно, — способна проявлять огромную социальную-дѣйственную и организующую силу. Религіозная идея можетъ создать государство, даже при отсутствіи національныхъ для него предпосылокъ: примѣръ Исламъ. Идея меньшаго калибра способна создать партію.

Есть два рода политически-активныхъ идей. Однѣ коренятся въ глубинѣ народнаго самосознанія, оформляютъ могучіе инстинкты, дремлющіе въ массахъ. Другія приходятъ съ книгой, какъ готовый товаръ, «made in Germany». Почвенныя въ иномъ мѣстѣ и въ иное время, онѣ ведутъ автономное, кочующее бытіе, проявляютъ перѣдко огром-

ную, чаще всего разрушительную энергію, но лишены творческой, органической силы роста, цвѣтенія и плода.

Русскія политическія идеи - партіи были чаще всего второго сорта. Причинъ тому было двѣ. Во-первыхъ, подавляющее, обезсиливающее вліяніе Запада и его опыта на русскую мысль, особенно политическую. Во-вторыхъ, полицейское давленіе абсолютизма, которое вплоть до 1905 г. - в теченіе полувѣка, дѣлало возможнымъ существованіе лишь нелегальныхъ, - т. е. революціонныхъ партій. Послѣднее обстоятельство было роковымъ для правыхъ и умѣренныхъ теченій, первое — для партій революціи.

Западъ привилъ намъ доктрины: бюрократическаго и классоваго (прусскаго или англійскаго) консерватизма, свободомыслящаго, буржуазнаго (французскаго и англійскаго) либерализма и революціоннаго (сперва французскаго, потомъ нѣмецкаго) социализма. Всѣ эти идеи дѣйствовали разлагающе на народную жизнь и углубляли пропасть между политическимъ сознаниемъ народа и интеллигенціи.

Русскій консерватизмъ, какъ онъ сложился при Николаѣ I и Александрѣ II (Катковъ), былъ государственнымъ міросозерцаніемъ бюрократіи и оставался такимъ до послѣднихъ ея дней. Это особая форма западничества, т. е. Петровской традиціи: постепеннаго разрушенія основъ прежней жизни во имя цивилизаціи. Въ сущности, это была постепенность въ революціи, или консервированіе опредѣленнаго фазиса революціи — на царствованіи Николая I или Александра III. Въ этомъ внутреннее противорѣчіе русскаго консерватизма. Отсюда его бездуніе, бюрократическая сухость, ироническое отношеніе къ народной душѣ и ея святынямъ. Атеизмъ чувствовалъ себя легко и удобно въ этой средѣ, гдѣ не принято было спрашивать о вѣрѣ, и гдѣ религія поддерживалась больше по традиціи. Консерватизмъ былъ просто силой инерціи государственнаго аппарата, того аппарата, который былъ созданъ Петромъ для цѣлей грандіозной революціи. Русскій консерватизмъ всегда относился подозрительно къ черной контръ-революціи, къ почвенному черносотенству. Правые почвенники наши не могутъ называться консерваторами: они глашатаи реакціи, чаще всего насильственной, т. е. революціонной.

Либерализмъ русскій, начиная съ Кавелина и Чичерина первыхъ лѣтъ, былъ всегда слабѣйшимъ теченіемъ въ

русской интеллигенціи. Его слабость была слѣдствіемъ идейнаго угасанія либерализма на Западѣ послѣ 1848 г. и слабости нашего третьяго сословія, на которое могъ бы опереться чисто буржуазный либерализмъ. Одинъ изъ основныхъ пороковъ русскаго либерализма заключался въ томъ, что онъ строилъ въ расчетъ на монархію, будучи совершенно лишень монархическаго паюса. Русскій либераль видѣлъ свой идеаль въ англійской конституціи и считаль возможнымъ пересадку ея въ Россіи, забывая о вѣкахъ революцій, о казни Карла II, о страшномъ опытѣ почти тысячелѣтней исторіи, которая заканчивалась идиллически сотрудничествомъ монархіи, аристократіи и демократіи. Второй порокъ либерализма - чрезвычайная слабость національнаго чувства, вытекавшая, съ одной стороны, изъ западническаго презрѣнія къ невѣжественной странѣ, съ другой, изъ неуваженія къ государству и даже просто изъ непониманія его смысла. За англійскимъ фасадомъ русскаго либерализма скрывалось подчасъ чисто русское толстовство, т. е. дворянское непріятіе къ государственнаго дѣла. Въ сущности, отъ этого порока либерализмъ освободился лишь въ 1914 году, когда всерьезъ связаль защиту Россіи съ защитой свободы.

И, наконецъ, социализмъ русскій, съ которымъ связано столько грозныхъ недоразумѣній для Россіи! Совершенно ясно, что въ социальныхъ и политическихъ условіяхъ Россіи не было ни малѣйшей почвы для социализма. Ибо не было капитализма, въ борьбѣ съ которымъ весь смыслъ этого европейскаго движенія. Реально, исторически оправдано одно: борьба интеллигенціи за свободу (свободу мысли прежде всего) противъ обскурантизма упадочной Имперіи. Борьба за свободу связывалась съ горячимъ, иногда религіознымъ народолюбіемъ, но отсюда, если и вытекала революція, то ужъ никакъ не социализмъ. Соціалистическая формула была просто подсказана западнымъ опытомъ, какъ формула социальнаго максимализма. Говоря точнѣе, первоначально такой формулой явился анархизмъ, и все развитіе русской революціонной идеологіи совершалось, съ чрезвычайной медлительностью, по линіи: анархизмъ-социализмъ-демократія. Социализмъ постепенно вывѣтривался изъ конкретныхъ программъ всѣхъ социалистическихъ партій. С.-р. вообще мало беспокоились о судьбахъ промышленности. Что касается с.-д., то кризисъ социалистической доктрины приводилъ ихъ на прак-

тикѣ къ ряду безвыходныхъ противорѣчій. Пропагандистъ уничтожалъ до конца современный строй и кончалъ убѣжденіемъ въ томъ, что этотъ никуда не годный строй долженъ быть пощажень революціей. Не было тѣхъ бранныхъ словъ, которыми онъ не клеймилъ бы буржуазіи — для того, чтобы передать этой гнусной буржуазіи политическую власть, завоеванную руками рабочихъ. По истинѣ, отъ русскаго рабочаго требовалось безграничное самоотреченіе и безграничная довѣрчивость. Французскій рабочій классъ дважды, въ 1848 и въ 1871 г., доказалъ, что подобное самоотреченіе выше его силъ и разумѣнія. Гибель республики была совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ классовой борьбы 1848 г., и въ 1871 г. республику спасъ случай. Въ Россіи социалистическій характеръ всѣхъ революціонныхъ партій дѣлалъ невозможной честную коалицію съ либералами, дѣлалъ невозможной національную революцію.

Вдумываясь въ господствующія политическія настроенія, смутныя чаянія во всѣхъ слояхъ общества, поражаешься, насколько они не соотвѣтствовали оффиціальнымъ партійнымъ группировкамъ. Въ Россіи могли бы создаться, по крайней мѣрѣ, три могущественныхъ партій, изъ которыхъ каждая могла бы повести страну. Они не создались изъ-за отсутствія вождей и идейнаго оформленія.

Во-первыхъ, «черносотенная» партія крестьянства, которая соединила бы религіозный монархизмъ съ чернымъ передѣломъ. Народъ до японской войны мечталъ о царѣ Пугачевѣ. Для монархіи этотъ путь былъ реально возможенъ. Пугачевщина могла и не принять разрушительныхъ формъ, будь она провозглашена престоломъ и поддержана Церковью. Въ сущности, при слабости и быстрой ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія, экономическія потери были бы невелики. Отъ монархіи требовалось только одно: отказаться отъ гнилой опоры въ дворянствѣ и опереться на крестьянство, съ возвращеніемъ къ древнимъ основамъ русской жизни. Это путь, указанный Достоевскимъ и немногими идейными черносотенцами. Потери на этомъ пути: варваризація, утрата (временная) многого, созданнаго интеллигенціей за два вѣка. Однако, эти утраты были бы, можетъ быть, не столь тяжслы, какъ въ условіяхъ марксистской пугачевщины Ленина.

Во-вторыхъ, партія славянофильскаго либерализма: православная, національная, но враждебная бюрократіи и

оторвавшемуся отъ народа дворянству, защищающая свободу печати и слова, единенія царя и земли въ формахъ Земскаго Собора. Эта партія могла бы быть не классовой, а всенародной, съ удареніемъ, однако-же, на торгово-промышленные слои, какъ силу земскую по преимуществу, почвенную и прогрессивную. Вырожденіе стараго славянофильства въ черносотенство конца 19 вѣка обезкровило это направленіе. Однако, въ Москвѣ (и провинціи) никогда не угасала эта благородная традиція -- Самариныхъ, Шиповыхъ, Трубецкихъ. Самая распространенная въ Россіи газета «Русское Слово», несмотря на наружную бульварную окраску, была именно органомъ этой, никогда не оформившейся національно либеральной партіи. Милліоны людей въ гущѣ провинціальной жизни мыслили и чувствовали по «Русскому Слову», даже въ средѣ дипломированной интеллигенціи, расписанной по инымъ, радикальнымъ и социалистическимъ партіямъ. Огромная сила національнаго возрожденія растрачивалась зря, растекаясь по чуждымъ ручейкамъ, или заболачиваясь въ низинахъ, за отсутствіемъ вождей. Национально-демократическая партія пріобрѣла бы огромный резонансъ въ городскомъ купеческомъ и служиломъ населеніи, будь она почвенна и національна. Конечно, ея успѣхъ былъ бы немыслимъ безъ доброй воли царя, отъ котораго въ этомъ случаѣ требовался бы не жестъ Пугачева, а дѣло Александра II въ идейномъ обрамленіи Алексѣя Михайловича.

И, наконецъ, въ-третьихъ, если выяснилась неспособность монархіи къ творческому акту, если путь революціи оставался единственнымъ, открытымъ для интеллигенціи, то теоретически мыслима партія демократической революціи, русскаго якобинства. Ея элементы имѣлись уже въ русской политической культурѣ, въ памяти декабристовъ, въ поэзіи Некрасова и Шевченко, въ прозѣ Герцена и Горькаго, съ «Дубинушкой», въ качествѣ національнаго гимна. Тысячи бунтовавшихъ студентовъ именно въ «Дубинушкѣ», а не въ Марсельезѣ (всего менѣе въ Интернаціоналѣ) находили адекватное выраженіе вольнолюбивымъ своимъ чувствамъ. Въ «Дубинушкѣ», да еще въ пѣсняхъ о Стенькѣ Разинѣ, которыя были въ Россіи по истинѣ національны. Русскіе радикальные юноши въ массѣ своей безнадежно путались между с.-д. и с.-р., съ трудомъ и внутреннимъ отвращеніемъ совершая ненужный выборъ между ними -- ненужный потому, что не социали-

стическая идея волновала сердца, а манящій призракъ свободы. Въ этой борьбѣ студенчество, конечно, было бы поддержано новой демократіей, какъ мы ее опредѣляли, и крестьянствомъ, которое поднялось бы за землю, кто бы ни обѣщаль ее. Конечно, революціонная стихія въ Россіи несла съ собой неизбѣжно пугачевщину, сожженіе усадебъ, разгромъ богачей, но гроза пронеслась бы и вошедшее въ берега море оставило бы (за вычетомъ помѣщиковъ) все тѣ же классы въ той же національной Россіи. Вчерашніе бунтовщики оказались бы горячими патриотами, строителями великой Россіи. Это путь революціи въ Германіи, Италіи, Турціи. Почему же въ Россіи не нашлось мѣста младотуркамъ и Кемалю-паишѣ? Неужели турецкая политическая культура оказалась выше русской? Одна изъ причинъ этого столь невыгоднаго для насъ несходства заключалась въ томъ обстоятельстве, что турки учились у политически отсталой Франціи, а мы у передовой, т. е. у социалистической Германіи. Но за этимъ стоитъ другое. Французскіе учебники оказались подходящими для Турціи, потому что они твердили зады революціи 1793 г.: буржуазной и національной. Турція 1913 или 1918 года ближе къ Франціи 1793, чѣмъ современная Россія къ современной Германіи. За легковѣсностью политическаго багажа турецкихъ генераловъ скрывается большая зоркость къ условіямъ національной жизни, большая чуткость, большая трезвость. Трезвые люди были и въ Россіи. Но имъ не хватало турецкой смѣлости. Нужно представить себѣ Скобелева, Драгомирова или Гучкова конспираторами, организующими дворцовый переворотъ, поднимающими военныя возстанія, чтобы почувствовать всю ирреальность этого исхода. Ни въ русской арміи, ни въ русской интеллигенціи не было людей, соединяющихъ холодную голову, пониманіе національныхъ задачъ съ беззавѣтной смѣлостью и даже авантюризмомъ, необходимымъ для выполнения такого плана. Гражданскій маразмъ, деформация политической психологіи дѣлали невозможнымъ образование національной революціонной партіи въ Россіи.

9. Была ли революція неотвратимой?

Ставить такъ вопросъ — не значитъ ли заниматься пророчествами наизнанку: гаданіемъ о томъ, что могло бы быть и чего не было? — Самый никчемный, ибо ни на

что не вдохновляющій видъ пророчествъ. — Вопросъ этотъ можетъ имѣть смыслъ лишь какъ новая, оцѣночная и въ то же время повѣрочная форма нашей аподиктической схемы. Отчасти это вопросъ о винѣ и отвѣтственности, отчасти поправка къ безнадежно черной картинѣ, умышленно односторонней, ибо предназначенной для объясненія гибели.

И вотъ, на порогѣ послѣдней катастрофы, мы останавливаемся, чтобы сказать: не все въ русской политической жизни было гнило и обречено. Силы возрожденія борлись все время съ болѣзнетворнымъ ядомъ. Судьба Россіи до самаго конца висѣла на остреѣ — какъ судьба всякой живой личности.

Начнемъ издалека.

Первый признакъ государственнаго упадка въ Россіи мы усматривали въ политической атоніи дворянства. Замѣтное съ конца 18 в. явленіе это связано — отчасти, по крайней мѣрѣ, — съ крушеніемъ его конституціонныхъ мечтаній. Даже если мечтанія эти не были ни особенно сильными, ни особенно распространенными, въ интересахъ государства было привлечь дворянство, какъ классъ, къ строительству Имперіи: возложить на него бремя отвѣтственности. Всенародное представительство въ видѣ Земскаго Собора было невозможно съ того момента, какъ всѣ классы общества, кромѣ дворянства, остались за порогомъ новой культуры. Но дворянскій сеймъ былъ возможенъ. Онъ сохранился повсюду въ Восточной Европѣ, и русскіе государственные дѣятели часто испытывали его соблазнъ. Эта аристократическая (шведская) идея жила и въ вѣкъ Екатерины (графъ Панинъ) и въ вѣкъ Александра I (Мордвиновъ). Декабристы — значительная часть ихъ — усвоили демократическія идеи якобинства, безпочвенныя въ крѣпостной Россіи. Но и среди нихъ, а еще болѣе въ кругахъ, сочувствующихъ имъ, въ эпоху Пушкинча были на лицо и трезвые умы и крупные политическіе таланты, чтобы, сомкнувшись вокругъ трона, довести до конца роковое, но неизбежное дѣло европеизаціи Россіи. Конечно, эта задача дѣлала невозможнымъ немедленное освобожденіе крестьянъ, которое неминуемо ввергло бы Россію въ 17 вѣкъ. Единственный шансъ русскаго конституціонализма въ началѣ 19 вѣка — это, что крестьянство могло бы не замѣтить переменъ, всецѣло заслоненное отъ государства лицомъ помѣщика. Новый строй былъ

бы принять имъ на вѣру, на слово царя. Постепенное приобщеніе къ представительству другихъ слоевъ—духовенства, интеллигенціи, купечества, — сообщало бы земскій характеръ Собору, открывало бы возможности нормальной демократизаціи, плоды которой со временемъ достались бы и освобожденному крестьянству. Конечно, въ тотъ день, когда царь апеллируетъ къ народу, отъ дворянства не останется ничего. Въ этомъ, въ необходимости политическаго самоограниченія царя, и заключается практическій утопизмъ конституціоннаго пути. Абсолютизмъ нигдѣ и никогда себя не ограничивалъ, а въ Россіи не было силы, способной ограничить его извнѣ. Весь этотъ первый политическій ренессансъ — дворянскій — былъ з.душенъ навсегда тяжелой рукой Николая I.

Реформы Александра II, надломивъ бюрократическій строй, но не перестроивъ государства на новыхъ началахъ, оставили хаосъ, разбродъ въ умахъ, междоусобную борьбу во всѣхъ колесахъ правительственнаго механизма. Уничтожая лѣвой рукой то, что дѣлала правая, царь вывелъ Россію изъ равновѣсія. Съ 60-хъ годовъ начинается послѣдняя, разрушительная эпоха Имперіи. А между тѣмъ вызванная ею къ жизни, такъ называемая общественность, т. е. дворянско-интеллигентскія силы были значительны, одушевлены идеализмомъ политической и культурной работы и далеко не всегда безпочвенны. Земская, позже городская Россія, плодъ самоотверженнаго труда двухъ поколѣній дѣятелей, доказываетъ положительные, созидательныя способности новыхъ людей. Государство оттолкнуло ихъ, отвело имъ тѣсно ограниченный удѣлъ, создавъ изъ земщины, какъ бы «опричинну» наизнанку, вѣчно подозрѣваемую и подрѣзываемую экспериментальную школу новой Россіи. Эта изоляція отъ государства воспитала земцевъ — безгосударственниковъ, дѣятелей уѣзднаго и губернскаго масштаба, слѣпыхъ къ мировымъ задачамъ Россіи.

Но атрофія государственнаго сознанія была искусственной: поддерживалась вѣчной мелкой войной съ губернаторскимъ самодурствомъ и зрѣлищемъ попятнаго движенія Петербурга. «Увѣнчаніе зданія» въ 60-хъ годахъ организовало бы эту общественную энергію, превращая ее въ національную. Трудности были — и не малыя. Во-первыхъ, политическая школа Запада угрожала превратить русскій Земскій Соборъ въ театръ краснорѣчія и борьбы

за власть. Но правительство располагало еще большими славянофильскими ресурсами. Оперевшись на духовенство и купечество, оно могло бы оживить древнюю легенду православного царя. Приобщая къ реальной власти, т. е. давая политическіе посты земскимъ дѣятелямъ, на ряду съ бюрократіей, правительство вырвало бы почву у безответственной оппозиціи. Вторая и несравненно большая трудность заключалась въ свободномъ крестьянствѣ, которое не замедлило бы предъявить свои притязанія на всю землю. Пришлось бы итти на ликвидацію дворянскаго землевладѣнія горздо рѣшительнѣе, чѣмъ шли въ дѣйствительности. Послѣдствія были бы не изъ легкихъ — сельско-хозяйственныя и общекультурныя. Но жизнь показала, что этотъ процессъ неотвратимъ. Россія должна была перестраиваться: изъ дворянской въ крестьянско-купеческую. У власти былъ шансъ сохранивъ въ своихъ рукахъ руководство этимъ процессомъ, проведя ликвидацію съ возможной бережностью къ старому культурному слою. Третьей опасностью являлся анархическій нигилизмъ. Поскольку онъ отражалъ не реально-политическія, а сектантски-религіозныя потребности русской интеллигентской души, онъ не поддавался политическому излѣченію. Но въ 60-хъ годахъ болѣзнь была въ зародышѣ, и въ условіяхъ гражданскаго мира максималистскія тенденціи могли быть направлены по ихъ подлинному религіозному руслу.

Для этого пути отъ власти требовалась большая смѣлость — и вѣра, вѣра въ свою правду и въ свой народъ. Александръ II и его правительство ни вѣрой, ни смѣлостью не обладали. Правительство ориентировалось на нѣмцевъ, было чуждо русскимъ національнымъ теченіямъ, и трусливо такъ, какъ могъ быть только доживающій абсолютизмъ Габсбурговъ. Тяжелая моральная атмосфера двора столь несоотвѣтствующая народной легендѣ о Царѣ-Освободителѣ, доказываетъ эту внутреннюю опустошенность монархіи. Но сама легенда говоритъ о еще не опустошенныхъ монархическихъ ресурсахъ въ народной душѣ.

Подъ пышной порфирой Александра III гніеніе Россіи сдѣлало такіе успѣхи, что надежды на мирный исходъ кризиса къ послѣднему царствованію были не велики. Главное было въ исчерпанности моральныхъ ресурсовъ. Славянофильскій идеалъ былъ опоганенъ мнимо-національной полицейской системой удушенія. Внутренняя хилость и бездарность консервативныхъ теченій конца вѣка (послѣ

Достоевскаго, Леонтьева!) — показатель безошибочный. Консервативныя идеи, въ «Новомъ Времени», оказались продажными. Безъ субсидіи отъ правительства не могла существовать ни одна правая газета. Ясно, что возрожденіе теократической идеи царства стало невозможнымъ.

Но для Россіи были даны еще два послѣднихъ шанса. Первый шансъ — революція 1905 г. Второй — контръ-революція Столыпина.

Невозможно доказать, невозможно даже утверждать съ полной убѣжденностью, что побѣда революціи въ 1905 году не привела бы къ тому же развалу Россіи, что революція 1917 г. Все же можно привести серьезныя противопоставленія. Въ движеніе 1905 г., въ отличіе отъ революціи 1917 г., всѣ партіи и группы русской интеллигенціи шли съ огромной вѣрой и энтузіазмомъ. Моральный капиталъ революціи; скопленный за столѣтіе, не былъ растраченъ. Народъ не находился въ состояніи отчаянія и слабо чувствовалъ войну. Огромныя массы крестьянства жили еще въ условіяхъ патріархальнаго быта и сознанія. Самое главное: международная обстановка была сравнительно благоприятной. Война могла быть закончена въ любой моментъ. Конечно, успѣхъ революціи неизбѣжно привелъ бы къ захвату помѣщичьей земли, пожарамъ и погромамъ. Конечно, социалистическая агитация въ рабочихъ массахъ возбуждала ихъ противъ либеральной демократіи. Но всѣ эти опасности дѣйствовали въ неизмѣримо меньшей степени, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ. Даже большевики 1905 г. со своей программой диктатуры пролетаріата и крестьянства, стояли на почвѣ русской, національной революціи. Гражданская война была неизбѣжна. Но она имѣла шансы окончиться побѣдою опирающихся на удовлетворенное крестьянство умѣренныхъ слоевъ демократіи.

Впрочемъ, самые шансы эти, т. е. недостаточная острота революціонной ситуаціи и сдѣлала возможной сравнительно легкое подавленіе революціи.

Инициатива была въ рукахъ правительства. Оно имѣло шансъ. И какой шансъ!

Восьмилѣтіе, протекшее между первой революціей и войной, во многихъ отношеніяхъ останется навсегда самымъ блестящимъ мгновеніемъ въ жизни старой Россіи. Точно оправившаяся отъ тяжелой болѣзни страна торопилась жить, чувствуя, какъ скупо сочтены ея оставшіеся го-

ды. Промышленность переживала расцвѣтъ. Горячка строительства, охватившая всѣ города, кидалась въ глаза. Въ деревнѣ совершалась большая работа, обѣщавшая подъемъ хозяйства, предлагавшая новый выходъ крестьянской энергіи. Богатѣвшая Россія развивала огромную духовную энергію. Именно въ это время для всѣхъ сталъ явентъ тотъ вкладъ въ русскую культуру, который вносило русское купечество. Университетъ, получившій автономію, въ нѣсколько лѣтъ создалъ поколѣніе научныхъ работниковъ въ небываломъ масштабѣ. Въ эти годы университеты Московскій и Петербургскій не уступали лучшимъ изъ европейскихъ. Помимо автономіи и относительной свободы печати, научная ревность молодежи поддерживалась общей переоцѣнкой интеллигентскихъ цѣнностей. Вѣковое міросозерцаніе, основанное на позитивизмѣ и политическомъ максимализмѣ, рухнуло. Созрѣвала жатва духа, возросшая изъ сѣмянъ, брошенныхъ въ землю религіозными мыслителями 19 вѣка. Православная Церковь уже собирала вокругъ себя передовые умы, воспитанные въ школѣ символизма или марксизма. Пробуждался и росъ горячій интересъ къ Россіи, ея прошлому, ея искусству. Старые русскіе города уже дѣлались цѣлью паломничества. Въ лицѣ Струве и его школы — самой значительной школы этого времени — впервые послѣ смерти Каткова, возродилась въ Россіи честная и талантливая консервативная мысль. Струве подавалъ руку Столыпину отъ имени значительной группы интеллигенціи, Гучковъ отъ имени буржуазіи. Какъ использовала монархія эти счастливыя для нея возможности?

Императоръ Николай II имѣлъ рѣдкое счастье видѣть у подножія своего трона двухъ исключительныхъ по русской мѣркѣ государственныхъ дѣятелей: Витте и Столыпина. Онъ ненавидѣлъ одного и предавалъ обоихъ. Они были совершенно разные, особенно въ моральномъ отношеніи, люди. Но оба указывали монархіи ея пути. Одинъ — къ экономическому возрожденію страны черезъ организацию силъ промышленнаго класса, другой — къ политическому возрожденію Россіи — въ національно-конституціонныхъ формахъ. Николай II хотѣлъ принизить Витте до уровня ловкаго финансиста, а Столыпина до министра полиціи. Онъ лукавилъ съ обоими и окружалъ себя политическими гадами, публично маская погромщиковъ и убійць. Онъ жилъ реакціонной романтикой, созвучной

славянофильскимъ идеаламъ, растоптаннымъ его отцомъ и дѣдомъ. Лѣтъ сорокъ-тридцать тому назадъ они имѣли дѣйственную силу. Теперь это была вредная ветошь, нелѣпый маскарадъ, облакавшій гвардейскаго полковника въ одежды московскаго царя. Въ Царскомъ Селѣ императрица строила Ѳсодоровскій городокъ для задуманнаго ею духовно-полицейскаго ордена рыцарей самодержавія (старая идея «опричнины»). Въ жизни рыцари оказывались наемными охранниками или бандитами. Во дворцѣ жили въ сознаніи войны со своими мятежными подданными и подмѣнивали политику полиціей. Это выпячиваніе полиціи бередило уже зарубцовавшіяся раны, срывало дѣло національнаго объединенія. Безпричинно и бессмысленно разрушалась автономія университетскихъ корпорацій. Кассо и Шварцъ сумѣли вызывать изъ потухшаго пепла слабыя вспышки студенческихъ забастовокъ. Но хуже всего было prostituteированіе народнаго представительства.

Монархія не могла править съ Думами, состоящими изъ социалистовъ и республиканцевъ. Это ясно. Но она такъ же не довѣряла Думѣ октябристовъ и націоналистовъ. Она вела въ лицѣ ея войну съ консервативными силами страны — мелочную, нелѣпую, но дискредитирующую и власть, и народное представительство. Народъ приучался къ мысли о безсиліи и никчемности Думы, интеллигенція — къ аполитизму. Не стоило создавать Думы, не приобщая къ власти ея вождей. Оставляя за ними лишь право слова, правительство превращало Думу въ «говорильню», въ митингъ, который, какъ митингъ, имѣлъ тотъ огромный недостатокъ, что отражалъ настроенія лишь праваго сектора страны. Столыпинъ не принялъ протянутой руки Струве и Гучкова, — не потому, чтобы не дооцѣнивалъ значенія гражданскаго мира. Но за нимъ стоялъ дворецъ, который парализовалъ его волю, дворецъ, который превратился въ штабъ гражданской войны.

Въ довершеніе бѣдствія дворцовый мистицизмъ принялъ уродливыя и опасныя формы. Вся Россія — съ ужасомъ или захлебываясь отъ удовольствія — пережила годы распутииады. Хлысть, черезъ царскую семью, уже командовалъ надъ русской Церковью, въ ожиданіи того момента, когда война отдастъ ему въ руки государство. Подобраннѣйшій Распутинымъ Синодъ, распутинскіе митрополиты, ссылка епископовъ — неслыханное поруганіе Церкви совершалось именемъ царя, который мистически

сознавалъ себя помазанникомъ Божіимъ, который всецѣло принималъ сверхчеловѣческую отвѣтственность самодержавной власти. Для религіознаго сознанія одинъ этотъ грѣхъ обрекалъ на смерть династію. Для всей грамотной Россіи это была ванна мерзости, въ которую она погрузалась каждый день.

Оглядываясь на послѣдніе предвоенные годы, чувствуешь странное раздвоеніе: гордость достиженіями русской культуры и тяжесть отъ невыносимаго нравственнаго удушья. Имморализмомъ была поражена болѣе или менѣе вся Россія. Ренессансъ культуры не сказался еще ничѣмъ въ ея сердцѣ. Но ясно замѣчаешь и опредѣленные черные лучи, исходящіе изъ одного фокуса: отравляющіе правительство, Думу, печать, общественность. Этотъ фокусъ — въ царскомъ дворцѣ. Можно конечно думать, что рокъ войны, непосильной для Россіи, все равно, обрекалъ на гибель работу ея творческихъ силъ. Но и безъ войны было ясно, что вся эта работа парализуется и отравляется въ самомъ сердцѣ страны.

Нельзя преуменьшать значенія личной отвѣтственности въ исторіи. Въ самодержавной монархіи не можетъ не быть особенно тяжелой отвѣтственности царя. Но бывають годы въ жизни народовъ, годы кризисовъ, распутій, когда чаша личной отвѣтственности начинаетъ перетягивать работу безсознательныхъ историческихъ силъ. Въ русской революціи только два человѣка сыграли роковую, рѣшающую роль, не сводимую къ типическимъ факторамъ, къ воздѣйствію группъ. Эти два человѣка — Николай II и Ленинъ. Первый спустилъ революцію, второй направилъ ее по своему пути.

Г. П. Федотовъ.